

Громче сердца.

Ирина Васильева

18+

Ирина Васильева
Громче сердца.

«Автор»

2026

Васильева И.

Громче сердца. / И. Васильева — «Автор», 2026

В провинциальном городе Заречье, где единственным развлечением для молодежи остается выживание среди ржавых гаражей и бетонных коробок, четверо подростков создают группу. Их цель — не просто победить на национальном фестивале «Новая волна улиц», а взорвать систему изнутри. У каждого из них свой скелет в шкафу: Алиса, вокалистка с голосом способным разрушать стены, прячущаяся от травмы школьного буллинга за маской невидимки. Марк, гениальный гитарист с суицидальной тягой к скорости, чей отец-судья готов отправить сына в тюрьму ради спасения репутации семьи. Ника, барабанщица-бунтарь, лупящая по железу так, будто хочет пробить дыру в земной коре, чтобы заглушить боль от побоев отчима. Даня, битмейкер-социопат, видящий мир через графики частот и готовый взломать государственную сеть ради чистого бита. Их музыка рождается в сыром ангаре под грохот завода. Это не поп-панк для радио. Это индустриальный шум, крик боли и агрессия низких частот.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Знакомство и рождение мечты.	5
Глава 1. Тихая девочка с громким голосом.	5
Глава 2. Объяснение конкурса.	11
Глава 3. Предложение Марка.	16
Глава 4. Сцена из прошлого.	23
Глава 5. Ника бьёт ритм.	29
Глава 6. Даня и его биты.	34
Глава 7. Первый общий аккорд.	39
Глава 8. Соня в прямом эфире.	44
Глава 9. Алиса пишет песню.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Громче сердца.

Часть I. Знакомство и рождение мечты.

Глава 1. Тихая девочка с громким голосом.

Пыль танцевала в косых столбах апрельского солнца, пробивающихся сквозь высокие окна актового зала школы 42. Внизу, на сцене, пахло старым бархатом кулис и высохшим клеем от декораций к прошлогоднему Новому году. Для любого другого человека этот запах означал бы скуку, конец учебного дня и желание поскорее сбежать домой. Но для Алисы Морозовой это был запах свободы.

Она стояла ровно по центру сцены, там, где деревянный настил чуть заметно прогибался под ногами. На ней была бесформенная толстовка старшего размера, капюшон которой она натянула низко на лоб, хотя вокруг не было ни души. Руки она спрятала глубоко в карманы мешковатых джинсов. Если бы кто-то увидел её сейчас со стороны — например, из глубины пустого зрительного зала — он принял бы её за тень или случайный реквизит. Алиса привыкла быть невидимой. Это был её главный талант, доведенный до автоматизма: входить в класс так, чтобы стулья не скрипели, проходить по коридору, не задевая чужие рюкзаки, отвечать у доски таким тихим голосом, что учителя переспрашивали «что?», просто чтобы отвязаться.

Но здесь, в гулкой пустоте актового зала, правила менялись.

Алиса закрыла глаза. Сделала глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, который казался густым и сладким. Она представила, что стены зала раздвинулись. Что вместо облупившейся зеленой краски на потолке над ней раскинулось ночное небо, а вместо рядов потертых кресел перед ней лежит весь город — спальный район Заречье, дымящие трубы старой котельной, огни заправки на выезде. Весь мир.

И тогда она запела.

Это не было похоже на пение скромной семнадцатилетней девочки. Звук, вырвавшийся из её горла, разорвал сонную тишину пыльного зала. Он не летел — он бил. Мощное, глубокое сопрано, которому было тесно даже под куполом высотой в два этажа. Первая нота дрожала от сдерживаемой мощи, вторая взлетела вверх чисто и пронзительно, заставив тонко зазвенеть оставленную кем-то на краю рампы стеклянную банку с кисточками. Алиса вкладывала в эту импровизацию всё то, чего нельзя было сказать словами. Свою усталость от необходимости всегда улыбаться учителям. Свой гнев на отца, который звонил раз в месяц из другой страны и спрашивал только об оценках. Свой страх перед будущим, которое казалось серым бетонным забором без единого просвета. Её голос заполнял каждую щель, обвивался вокруг ржавых штанкетов, оседал на складках тяжелого красного занавеса. Это был звук совершенно другого человека — огромного, свободного и абсолютно бесстрашного. В мире Алисы существовало строгое правило: этот человек существовал только здесь, между сценой и последним рядом. За дверями зала, в реальном мире, жила другая Алиса — та, которая опускает глаза при разговоре и извиняется, если кто-то наступает ей на ногу.

— Ничего себе акустика.

Голос прозвучал совсем близко — снизу, из партера, второй ряд. Звук оборвался мгновенно, словно перерезали струну. Банка с кисточками дрогнула и покатилась по наклонному полу сцены, глухо стуча о доски. Алиса резко открыла глаза. Сердце, секунду назад работавшее как мощный двигатель, пропустило удар и ухнуло куда-то в живот. На спинке кресла сидел парень. Судя по тому, как вольготно он расположился — одна нога заброшена на колено,

гитара в старом потрескавшемся чехле прислонена к соседнему сиденью — он сидел там уже несколько минут. Просто слушал.

У Алисы перехватило дыхание. Горячая волна стыда обожгла шею и поползла к ушам. Ей захотелось провалиться сквозь сцену, стать пылью в луче света, испариться. Хуже этого могло быть только землетрясение прямо сейчас, которое похоронило бы школу вместе с ними.

— Прости, я я думала, тут никого, — выдавила она. Голос, минуту назад способный заполнить стадион, теперь звучал как комариный писк. Обычный голос тихой девочки.

Парень медленно поднялся. Он был высоким, почти доставал макушкой до края авансцены. Длинные темные волосы падали ему на лицо, но когда он тряхнул головой, Алиса успела заметить острые скулы и внимательные, насмешливые карие глаза. Одет он был в черную футболку с логотипом какой-то старой рок-группы, которую затерли до дыр на рукавах, и рваные джинсы. От него пахло дождем, озоном и дешевым табаком. Он поднял руки в примирительном жесте, но смотрел не на неё, а куда-то в пространство перед собой, будто переваривая услышанное.

— Не извиняйся, — хрипло сказал он. — Я вошел через боковую дверь. Мистер Кравец забыл закрыть подсобку трудовиков. Ты реально думала, что тебя никто не слышит? При такой-то подаче?

Алиса сжалась еще сильнее. Подача. Слово вонзилось иглой. Так говорят педагоги по вокалу, критикуя тех, кто берет слишком много воздуха. — Извини, мне пора, — быстро сказала она и шагнула в сторону кулис, намереваясь схватить свой рюкзак и исчезнуть навсегда. Может, перевестись в другую школу. Или уехать в другой город. Лучше — на другую планету.

— Стой, — его голос изменился. Исчезла легкая издевка, осталась только сухая констатация факта. — Подожди. Алиса замерла. Ноги отказывались бежать. Этот тон сработал лучше любой физической силы.

Парень закинул ремень тяжелой гитары на плечо. Инструмент издал низкий, недовольный гул. Он подошел к лестнице, ведущей на сцену, и начал подниматься. Старые ступени предательски скрипели под его тяжелыми ботинками. Каждый шаг отдавался в груди Алисы ударом молота. Когда он ступил на сцену, показалось, что пространство съежилось. Зал внезапно стал маленьким, а парень — огромным.

— Марк Соколов, — представился он, останавливаясь в паре метров от неё. Слишком близко для незнакомцев. — Выпускной класс. Меня отчисляют из третьей четверти четвертой школы за драку, поэтому я теперь ваш новый сосед. Рад знакомству.

Он протянул руку. Ладонь была широкой, мозолистой на кончиках пальцев — след от гитарных струн. Алиса растерянно посмотрела на его руку, потом на свое укрытие в тени кулис. Правила общения гласили: нужно пожать руку, буркнуть имя и убежать. Но ноги словно вросли в пол сцены. Кеды казались приклеенными к дереву.

— Алиса, — прошептала она и вложила свою ледяную ладонь в его руку. Его рукопожатие было крепким, но осторожным. Он не пытался причинить боль, он просто обозначал присутствие.

— У тебя внутри живет лев, Лисенок, — серьезно сказал Марк, отпуская её руку. — А ты прячешь его в кладовке и делаешь вид, что это домашний хомяк. Зачем?

Лисенок. Никто никогда не называл её так. Это было дерзко, фамильярно, но почему-то совершенно не обидно. Скорее, неожиданно точно.

— Я я не умею громко, — соврала она, глядя на свои кеды. Левая шнуровка развязалась. — То есть это случайно вышло. Перенервничала.

Марк тихо, коротко рассмеялся. Смех у него оказался теплым, вопреки резкому образу

. — Случайно горы не сдвигают. И банки с кисточками тоже. Я стоял за дверью минуты три. Думал, магнитофон забыли выключить. Решил проверить, кто включил AC/DC в кабинете литературы.

Алиса почувствовала, как краска снова заливает лицо. Три минуты. Он слышал всё. Начало, середину, ту часть, где голос срывается от эмоций. Он видел её настоящую.

— Тебе сколько лет? — спросил он, переводя взгляд на её лицо. — Семнадцать.

— Мне восемнадцать. Значит, иерархии нет. Можно говорить нормально. Почему ты боишься сцены? Боишься людей? Они же мягкие, их легко растолкать.

Вопрос был настолько прямым, что у Алисы пропал дар речи. Обычно люди обходили тему её молчания стороной, делая вид, что всё в порядке. Марк врезался в запретную зону без предупреждения. — Я не боюсь, — механически ответила она заготовленную фразу. — Просто не люблю внимание. — Брешишь, — отрезал Марк. — Тот, кто не любит внимание, поет фальцетом в ванной, пока шумит вода. Ты перекрываешь диапазон Земфиры и тянет на Агилеру. Ты любишь внимание больше всего на свете, просто тебе страшно, что они увидят тебя настоящую и уйдут. Классический синдром отличницы.

Он говорил жестко, но в его глазах не было злобы. Было любопытство исследователя, нашедшего редкий минерал. — Кто такая Агилера? — глупо спросила Алиса, пытаясь выиграть время.

— Неважно. Важно другое. Слышала про конкурс?

Слово «конкурс» ударило под дых. Алиса вздрогнула, как от удара током. Образ темного зрительного зала, слепящих софитов и собственного беззвучно открывающегося рта, потому что слова песни вылетели из головы, вспыхнул перед глазами так ярко, что пришлось зажмуриться. Гул сотен голосов. Тяжелый, давящий смех откуда-то сверху. Красная точка лазерной указки, пляшущая на её белой блузке. Она сделала произвольный шаг назад, ближе к спасительному занавесу.

— «Новая волна улиц»? — сипло переспросила она. — Да, объявление висело внизу.

— Гран-при — запись на студии Соколова и ротация на областном радио, — продолжил Марк, проигнорировав её бледность. — Полуфинал через две недели. Финал — через месяц. Команды собирают уже сегодня. Он сделал паузу, внимательно изучая её реакцию. Алиса старалась дышать носом, считая до четырех, как советовал школьный психолог. Раз-два-три-четыре. Вдох. Раз-два-три-четыре. Выдох. Главное — не показывать панику.

— Мне нужен вокалист, — Марк кивком указал на гитару у своих ног. — Барабанщица есть на примете — психичка из параллельного, лупит так, что штукатурка сыплется. Басиста найду. Но вокал Вокал решает всё. Я искал неделю. Ходил по репетициям кружков, слушал этих ваших любителей петь под Эд Ширана. Пластмасса. Сахарная вата. А потом услышал твой рев отсюда, с улицы. Думал, динамики выносят.

Он замолчал. Солнце переместилось, и теперь свет упал прямо на лицо Алисы. Скрыться в тени больше не получалось.

— Стань фронтменом моей группы, — сказал Марк буднично, словно предлагал разделить плитку шоколада. — Мы порвем этот город. А потом поедem дальше.

Воздух в зале вдруг закончился. Алиса хватала его ртом, но грудь ходила впустую. *Фронтмен. Группа. Сцена.* Все эти слова были синонимами пытки. — Я не могу, — выпалила она быстрее, чем успела подумать. — Нет. Никогда.

Марк приподнял одну бровь. Его самоуверенность дала первую трещину удивления.

— Почему? Время детсадовских утренников прошло. Там можно было забыть слова. Здесь нужно просто открывать рот под качественную фанеру или живой бэнд. Справишься.

— Дело не в словах! — голос Алисы сорвался на крик, эхом отразившись от потолка. Она сама испугалась своей внезапной громкости и тут же осеклась, перейдя обратно на шепот. — Я не выйду туда. Перед людьми. Я я однажды уже пыталась. Она ненавидела себя за эту слабость. За то, что оправдывается перед каким-то новеньким, которого видит впервые в жизни. Перед парнем, который выглядит так, будто спит в багажнике своего басиста.

Марк перестал улыбаться. Он скрестил руки на груди, опираясь бедром о край пианино, стоящего у кулис. Дерево жалобно скрипнуло.

— Расскажешь? — спросил он тише. — Иногда помогает выгрузить мусор из головы. Мой отец говорит, что невысказанные мысли гниют и превращаются в язву.

Откуда в нем эта странная, режущая откровенность? Алисе хотелось нагрубить ему, послать подальше, бросить «это не твоё дело». Но вместо этого она опустила на край сцены, свесив ноги в темноту зрительного зала. Ноги дрожали. Адреналин отступал, оставляя после себя ватную пустоту.

— Это было пять лет назад, — начала она, глядя на пустой первый ряд. — Городской конкурс юных талантов. Мне было двенадцать. Я готовилась полгода. Распевалась до крови из связок. Мама сшила мне платье такое, знаешь, голубое, блестящее, ужасно неудобное. Я знала песню наизусть. Каждую интонацию. Она сглотнула. Во рту пересохло.

— Я вышла. Свет ударил в глаза. Я увидела лица. Сотни лиц. Чужих, равнодушных, жующих жвачку. И я забыла. Понимаешь? Первый аккорд сыграл баянист, а я просто стояла. Рот открыт, а звука нет. Как рыба. В голове стало абсолютно пусто. Ни одного слова. Только мысль: «Сейчас они поймут, что я самозванка».

— А потом?

— Потом я выдавила из себя звук. Тоненький, мышинный писк. Пропела один куплет мимо нот. Споткнулась на мостике, который хореограф добавил для красоты, упала прямо в это дурацкое блестящее платье. Зал зал сначала молчал. А потом кто-то на галерке засмеялся. Сначала один. Потом второй. А потом смеялся весь зал. До слез. Директор выбежал меня уводить, а я шла через эту живую стену хохота. Дома мама сказала, что я молодец, но я видела её глаза. Она плакала на кухне, думая, что я сплю. Алиса замолчала. История, которую она годами упаковывала в самый дальний ящик памяти, лежала теперь между ними на сцене, грязная и жалкая.

— Видео выложили в сеть, — закончила она глухо. — Комментарии писали всем городом. «Деревянная кукла». «Куда мать смотрела». Больше я не пела. Кроме как здесь. Когда темно.

Марк долго молчал. Он достал из кармана сигарету, повертел в пальцах, посмотрел на табличку «Не курить» на стене и убрал обратно. — Знаешь, в чем разница между тобой и остальными? — наконец произнес он. — Те, кто смеется в зале, забывают о жертве через десять минут. Им плевать. Они посмеялись и пошли есть свои булочки в столовой. А жертва запоминает этот смех на всю жизнь и делает его своим тюремщиком. Ты наказываешь себя каждый день за ошибку пятилетней давности. Заставляешь сидеть в темноте. Носить эти мешки вместо одежды. — Это называется самосохранением, — огрызнулась Алиса.

— Это называется трусостью, — мягко поправил Марк. — Настоящей, липкой трусостью. Слово повисло в воздухе. Оно должно было оскорбить, но почему-то сработало как нашатырь. Алиса вскинула голову и посмотрела Марку прямо в глаза. Впервые за весь разговор она встретила его взгляд, не отводя своего.

— Легко тебе говорить, — тихо, но твердо сказала она. — Тыходишь в комнату, и все сразу смотрят на тебя. Ты занимаешь место. А я пытаюсь занимать как можно меньше пространства. Чтобы никому не мешать.

Марк усмехнулся уголком рта. В этой усмешке не было превосходства. Была какая-то горькая солидарность.

— Я занимаю много места, потому что если я остановлюсь хоть на секунду, мой отец решит, что из меня выйдет отличный юрист. Или менеджер по продажам дешевых страховок. Он уже купил мне костюм на выпускной, Алиса. Серый. Как могильная плита. Я играю на гитаре двадцать четыре часа в сутки, чтобы не слышать, как он дышит. Мы с тобой одинаковые. Просто твои цепи находятся внутри черепа, а мои — снаружи.

Эта фраза попала точно в цель. Алиса моргнула, чувствуя, как защемило в носу. — Музыка должна освобождать, — продолжал Марк, подходя ближе. Теперь он стоял прямо перед ней, закрывая спиной солнечный луч. — Моя музыка злая. Она кричит. Твоя — огромная. Она может снести крышу. Вместе мы устроим тектонический сдвиг. Он протянул ей руку во второй раз. На этот раз это было не формальное приветствие. Это был канат, брошенный утопающему.

— Группа «Громче сердца», — сказал он. — Название пришло само, пока я слушал тебя оттуда, с улицы. Потому что именно так оно и звучит. Громче, чем пульс. Громче, чем сирены. Громче твоего чертова страха. Ну что, Лисенок? Идешь ломать систему? Алиса смотрела на его ладонь. Мозоли. Узкие пальцы. Капелька запекшейся крови на костяшке — видимо, последствия той самой драки. Весь её организм кричал «нет». Каждая клетка тела требовала встать, вежливо поблагодарить, спуститься по лестнице и бежать домой, в безопасную тишину своей комнаты, где единственным свидетелем её голоса будет старый плюшевый медведь.

Но другая часть — та самая, что пела три минуты назад, заполняя собой вселенную, — молчала. Она просто смотрела на Марка выжидающе. «Если я скажу да, пути назад не будет, — подумала Алиса. — Он узнает, где я живу. Он придет ко мне домой. Мне придется выйти на сцену. И если я забуду слова снова этот смех покажется мне детской шуткой по сравнению с тем, как надо мной будут смеяться настоящие зрители».

Она глубоко вздохнула. Воздух пах гарью, пылью и весной. Алиса подняла свою руку. Её ладонь всё ещё была холодной, но больше не дрожала. Она вложила её в широкую пятерню Марка Соколова.

Рукопожатие получилось сухим и коротким. Никакого триумфа, никаких фанфар. Только сухой стук кожи о кожу. — Какие условия? — хрипло спросила она.

Лицо Марка осветилось. Это была не просто улыбка — это была вспышка сверхновой. Он выглядел хищным, азартным и невероятно живым.

— Первое условие, — он отпустил её руку и полез во внутренний карман куртки, доставая помятый блокнот и карандаш. — Никаких блестящих платьев. Джинсы, тяжелые ботинки и твоя старая толстовка. Второе...

Он открыл блокнот на чистой странице. Луч солнца окончательно ушел со сцены, погружая их в прохладный сумрак кулис. Где-то внизу, в холле школы, прозвенел звонок, возвещающий конец уроков. Мир возвращался. Скоро зал наполнится топотом ног, криками и запахом столовской еды.

— Второе условие, — закончил Марк, щелкая кнопкой карандаша. — Репетиция завтра в шесть. В гараже моего дяди. Место страшное, крысы размером с собаку, но звукоизоляция идеальная. Не опаздывай. И захвати тетрадь со стихами. Посмотрим, что у тебя там накопилось за годы одиночного заключения.

Он сунул блокнот в карман, закинул гитару за спину и пошел к боковой двери, ступая уверенно и громко. — Эй, — окликнула его Алиса, прежде чем он успел скрыться в темноте коридора.

Марк обернулся. Солнечный свет из высокого окна бил ему в спину, создавая вокруг нечесанной головы подобие тусклого ореола.

— Почему ты остался? — спросила она. — Услышал звуки с улицы и решил зайти в закрытую школу. Зачем?

Марк задумчиво почесал переносицу, глядя на неё сверху вниз. Взгляд его стал серьезным, почти взрослым.

— Потому что скучно, — просто ответил он. — Всё вокруг стало невыносимо скучным. Одни и те же лица, одни и те же разговоры, один и тот же серый асфальт. А потом я услышал, как рушится стена. Нельзя же просто пройти мимо, когда кто-то строит взрыв посреди болота.

Он подмигнул ей, махнул рукой на прощание и растворился в тенях служебного выхода. Массивная железная дверь лязгнула, отсекая звуки внешнего мира.

Алиса осталась стоять на сцене одна. Тишина вернулась в зал, но теперь она ощущалась иначе. Она больше не была безопасной и мягкой. Эта тишина звенела напряжением, ожиданием и едва уловимым ритмом, который, казалось, поселился в самих стенах. Алиса подошла к краю сцены и села точно на то место, где только что сидел Марк. Дерево всё ещё хранило тепло его тела. Она посмотрела на свои ладони. Они всё ещё покалывало от того короткого прикосновения.

Страх никуда не делся. Он свернулся тяжелым клубком внизу живота, холодный и скользкий. Мысль о микрофоне, прожекторах и сотнях глаз всё ещё вызывала тошноту. Но впервые за пять лет к этому страху примешалось кое-что еще. Оно было острым, горячим и немного опасным. Оно пульсировало в такт недавнему эху её собственного голоса под сводами потолка.

Это было предвкушение.

Алиса запрокинула голову, глядя в пыльную темноту ветхого занавеса. Закрыла глаза и позволила себе вспомнить то чувство абсолютной власти над звуком. «Громче сердца», — мысленно повторила она название, которое дал ему чужой, уверенный в себе парень. Её сердце билось очень громко. Но она только что пообещала человеку с гитарой, что скоро оно застучит так, что заглушит барабаны.

Глава 2. Объяснение конкурса.

Школьная линейка в честь начала последней учебной четверти — это всегда театр абсурда. Особенно когда на календаре конец апреля, за окном цветет черемуха, а до каникул остается ровно тридцать один день. Алиса стояла во втором ряду актового зала, плотно прижавшись плечом к холодному пластиковому поручню кресла. Вокруг неё дышало и переминалось с ноги на ногу стадо старшеклассников. Пахло дешевым лаком для волос, перегаром от парней из параллельного «Б» класса, которые явно отмечали начало свободы еще по дороге в школу, и пылью тяжелых бархатных штор. Обычно Алиса приходила ровно к звонку, проскальзывала в самый дальний угол верхнего яруса балкона и сливалась со стеной. Но сегодня Марк Соколов перехватил её у раздевалки. Он не уговаривал, просто кивнул в сторону входа в зал: «Сядь где-нибудь посередине. Мне нужно, чтобы ты видела лица». И ушел, насвистывая что-то дерзкое, оставив Алису стоять посреди шумного коридора с гулко бьющимся сердцем. Теперь она сидела здесь, чувствуя себя обнаженной под прицелами сотен взглядов.

На сцене директор школы Инга Валерьевна, женщина монументальных размеров с прической-башней, которая, казалось, жила своей собственной жизнью, пыталась перекрыть гул толпы. Микрофон фонил высоким, режущим ухо свистом.

— Ти-ши-на! — рявкнула она так, что дребезжание динамиков перешло в ультразвук. — Я сказала тишины в храме знаний!

Гул медленно стих, сменившись недовольным шепотом. Инга Валерьевна промокнула лоб кружевным платочком. Лицо у неё было свекольного цвета — то ли от духоты, то ли от осознания того, что вместо подготовки к ЕГЭ ей приходится заниматься организацией досуга молодежи.

— Ученики одиннадцатых и десятых классов! — провозгласила она, обводя тяжелым взглядом ряды. — Администрация города совместно с региональным министерством культуры запускает масштабный проект. Национальный музыкальный фестиваль «Новая волна улиц». Да-да, те самые буквы, которые вы привыкли видеть только на экранах своих смартфонов, пока делаете вид, что конспектируете параграфы. В этом году право проведения регионального полуфинала доверено нашему городу. А наша школа, как обладатель самого вместительного зала и лучшей акустики в Заречье, выбрана официальной площадкой городского отбора.

По залу прокатилась первая живая волна интереса. Парни сзади начали толкать друг друга локтями. Кто-то присвистнул. Фестиваль был настоящим. Большим. С телевизионщиками, продюсерами и реальными контрактами. Обычно такие новости доходили до их окраины в виде бледных пиратских записей спустя полгода после финала.

Инга Валерьевна сделала драматическую паузу, дожидаясь абсолютной тишины. Когда последний шепоток затих, она перешла на тон конференсье:— Гран-при фестиваля изменит жизнь победителя навсегда. Запись дебютного мини-альбома на профессиональной студии звукозаписи «Медиатон», ротация трех треков на областном радио «Частота» и съемка профессионального клипа с московским режиссером. Кроме того, победители получают прямой проход в финал национального тура, минуя бюрократические препоны онлайн-отбора. Это ваш шанс доказать, что Заречье — это не только трубы химзавода и бесконечные панельки. Это колыбель талантов.

Алиса почувствовала, как пальцы правой руки сами собой впились в пластиковый поручень. Ногти побелели. *Запись альбома.* Эти слова звучали как заклинание из другой вселенной. Где люди носят кожаные куртки, летают на самолетах и не боятся смотреть людям в глаза. Она покосилась вбок. Марк сидел через три ряда от неё, в самом центре прохода. Его поза была расслабленной, но взгляд прикован к лицу директора. Он слушал не ушами — он сканировал пространство, впитывая каждую возможность.

— Правила отбора просты, — продолжала Инга Валерьевна, водя лазерной указкой по списку условий, выведенному на огромный экран за её спиной. — Состав группы — от трех до шести человек. Проживание участников — строго город Заречье или прилегающие районы. Главное условие: исполняемый материал должен быть авторским. Никакого караоке. Никаких перепевок звезд. Только ваши стихи, ваша музыка, ваша душа. Город ждет ваших голосов.

Последние слова ударили Алису физически. *Ваша душа*. Директорша говорила казенными штампами, но они попадали точно в цель. Душа Алисы сейчас напоминала запертую комнату без окон, где годами копилась пыль. Рядом с Алисой тяжело вздохнула Светка Комарова, её соседка по парте. Светка была воплощением нормы: носила идеальные косички, знала всё о распродажах в торговом центре и мечтала поступить на экономиста, потому что «стабильно».

— Опять самодеятельность, — прошептала Светка, наклонившись к самому уху Алисы. — Морозова, ты представляешь, сколько времени это сожрет? Нам сочинения переписывать надо, пробники по математике горят синим пламенем. Моя мама говорит, что музыканты потом живут в переходах.

Алиса ничего не ответила. Она смотрела на сцену. Там, рядом с массивной фигурой директора, стоял высокий худощавый мужчина в идеально скроенном сером костюме. На его бейджике блестела надпись: «Артем Борисов, продюсерский центр "Горизонт"». Именно этот центр курировал «Новую волну улиц». Борисов выглядел так, словно случайно забрел в провинциальную школу из стеклянного небоскреба Москва-Сити. Пока Инга Валерьевна вещала о духовности и патриотизме, продюсер скучающе смотрел в свой золотой смартфон. Но когда директор закончила речь и уступила ему микрофон, он мгновенно преобразился. Исчезла скука, появилась хищная, профессиональная энергия.

— Добрый день, будущие рок-звезды, — голос Борисова оказался глубоким, бархатным, заполняющим каждый уголок огромного зала без всяких усилителей. — Инга Валерьевна немного сгладила углы, поэтому сделаю это я. Конкурс называется «Новая волна улиц», но улицы бывают разными. Мы ищем не тех, кто красиво открывает рот под минусовку. Мы ищем голод. Настоящую боль. Искренность, от которой мурашки размером с кулак. Он прошелся по краю сцены, сцепив руки за спиной. Луч солнца из окна поймал бриллиантовую запонку на его манжете.

— Вы думаете: «Мы из провинции, куда нам тягаться с мажорами из столицы?» Забудьте. Прошлый год выиграла группа из поселка под Тюменью. Двое автослесарей и учительница музыки. Они пели о ржавых гаражах так, что плакал весь Екатеринбург. Почему? Потому что им нечего было терять. Им некуда было отступать. Борисов остановился и посмотрел прямо в зал. Его взгляд скользнул поверх голов, но Алисе показалось, что он смотрит именно на неё.

— Поэтому первое, что вы должны сделать дома сегодня вечером — подойти к зеркалу. Посмотреть себе в глаза и спросить: готов ли я отдать этому конкурсу всё? Свои ночи, свои нервы, свою гордость? Если ответ «нет» — идите учить логарифмы. Музыка выплюнет вас быстрее, чем вы успеете нажать кнопку записи на диктофоне. Если ответ «да» добро пожаловать в ад. Регистрация заявок заканчивается через десять дней. Список групп мы повесим в холле первого этажа. Репетиции начинаются завтра же. Свободных слотов мало, лучшие часы заберут те, кто придет первыми. Он улыбнулся белозубой, отработанной улыбкой.

— Докажите, что ваше сердце стучит громче столичного метронома. Удачи. Или, как говорят в нашем бизнесе: ни пуха ни пера.

Зал взорвался аплодисментами. Не бурными, восторженными, а скорее ошарашенными. Старшеклассники переваривали информацию. Для большинства это останется просто яркой историей для столовой. Но Алиса видела краем глаза, как напряглись спины впереди. Как загорелись глаза у парня из театрального кружка. Как нервно поправляет волосы девочка из хора. Спящий зверь начал просыпаться.

Светка дернула Алису за рукав толстовки.

— Ты слышала? Десять дней на регистрацию. Мама меня убьет. Всё, я пошла, у меня английский. Вечером скинешь домашнее по химии?

Светка растворилась в потоке ребят, устремившихся к выходу. Линейка закончилась. Начался хаос перемены. Но Алиса не двигалась с места. Она сидела, глядя на пустую сцену, где остались только мигающие софиты. Слова Бориса крутились в голове: *«Готов ли я отдать этому всё?»* Она закрыла глаза. Перед внутренним взором тут же возникла картинка: красный прожектор, освещающий фигуру двенадцатилетней девочки в голубом блестящем платье. Тишина. Зал, который начинает сначала тихо хихикать, а потом грохочет смехом. Ощущение собственного тела, превратившегося в ледяную статую. «Ни пуха ни пера». К черту.

Алиса резко встала. Ноги были ватными, но голова неожиданно ясной. Она должна уйти. Должна выйти на улицу, вдохнуть воздух и забыть об этом безумии. Идти домой, закрыть дверь комнаты, надеть наушники и включить погромче какой-нибудь англоязычный инди-поп, где никто не понимает слов, а значит, нельзя ошибиться.

Она начала пробираться к боковому выходу, стараясь никого не задеть. Это был её привычный маршрут спасения. — Стоять. Куда собралась?

Голос Марка прозвучал над самым ухом. Он возник из толпы внезапно, как черт из табакерки. Он преградил ей путь, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Гитары с ним не было — видимо, оставил в классе или в шкафчике.

— Домой, — коротко бросила Алиса, пытаясь его обойти. Марк шагнул вбок, блокируя проход. Толпа огибала их плотным потоком, недовольно ворча, но никто не решался врезаться в эту неподвижную пару. — После такого объявления уходят домой только мертвые или идиоты, — спокойно сказал Марк. — Ты выглядишь живой. Значит — Отвали, Марк, — процедила она, чувствуя, как начинают дрожать губы. — Я не буду этого делать. Я передумала. Лицо Марка изменилось. Насмешливая полуулыбка исчезла, обнажив жесткий, волевой край челюсти. Глаза потемнели.

— Так не работает, Лисенок, — он схватил её за локоть. Хватка была сильной, почти болезненной, но не грубой. — Мы заключили сделку вчера. Ты дала слово. Слово вокалиста стоит дороже автографа.

— Сделка была на репетицию! — зашептала она яростно, оглядываясь по сторонам, боясь, что их услышат. — Просто поиграть в гараже твоего дяди! Я не подписывалась на публичную порку перед всем городом!

— Никто не подписывается, — отрезал Марк, притягивая её ближе к себе, чтобы их разговор тонул в шуме толпы. — Знаешь, почему большинство великих историй начинается с отказа героя? Потому что страх — это нормально. Страх означает, что тебе есть что терять. Вот если бы ты сейчас прыгала от радости и кричала «ура, слава», я бы развернулся и пошел искать другую вокалистку. Та, кому нужна слава — посредственность. Ей нужны лайки. А мне нужен тот, кому больно молчать. Тебе больно молчать, Алиса?

Вопрос повис между ними. Шум школьного коридора вдруг стал глухим, далеким, как шум прибоя за толстым стеклом. Алиса замерла. Больно ли ей молчать? Каждый раз, когда она проходила мимо компании смеющихся одноклассников и хотела вставить шутку, но проглатывала её. Каждый раз, когда учителя спрашивали её мнение, а она лишь пожимала плечами. Каждый вечер, когда мелодия рождалась в груди, требуя выхода, и умирала там, задавленная ладонью. Да. Это было невыносимо больно.

— Я боюсь, — выдохнула она. Впервые за много лет она произнесла это вслух другому человеку. Голос сорвался. — Я до смерти боюсь, что они снова начнут смеяться.

Марк долго смотрел на неё сверху вниз. В его взгляде не было жалости. Жалость оскорбляла. Там было понимание хирурга, который видит сложный перелом.

— Пусть смеются, — наконец сказал он очень тихо, веско, выделяя каждое слово. — Смех — это реакция на непонятное. Когда толпа видит кого-то настолько настоящего, что это

ранит их самолюбие, у них есть два пути: либо признать свое превосходство, либо захохотать, чтобы защитить свое эго. Пусть выбирают смех. Наша задача — заставить их заткнуться на середине куплета. Не криком. Качеством. Он отпустил её локоть, но остался стоять вплотную.

— Десять дней, Алиса. До закрытия регистрации. За эти десять дней мы должны стать монолитом. Железобетонной стеной. Чтобы когда ты выйдешь туда, — он махнул головой в сторону сцены, — позади тебя стояли не трое школьников с инструментами. Позади тебя будет армия. И тогда сцена станет твоей броней, а не эшафотом. Поняла? Алиса судорожно кивнула, не доверяя своему голосу. Внутри боролись паника и странное, пьянящее чувство защищенности. Рядом с Марком страх не уходил, но он становился структурированным. Прирученным.

— Хорошо, — Марк удовлетворенно кивнул. — Тогда план действий. Сейчас расходимся. Идешь домой. Жрешь всё, что найдет в холодильнике твоя мама — мозгу нужны углеводы. Читаешь свои тексты. Выписываешь темы, которые реально жгут тебя изнутри. Предательство? Одиночество? Ненависть к этим стенам? Мне плевать, пусть это будет песня о том, как бесит школьная форма. Главное — правда. Он говорил быстро, чеканя фразы, будто отдавал приказы спецназу.

— В шесть вечера встречаемся у старого кинотеатра «Рассвет». Пойдем собирать остальных. Даня сидит в серверной компьютерного клуба, будем выковыривать его оттуда ломом. Ника лупит грушу в подвале секции бокса. Барабанщик — это половина ритма сердца группы, придется попотеть, чтобы она согласилась играть наши сопли. — А бас? — зачем-то спросила Алиса, хотя минуту назад хотела сбежать.

— Бас возьму на себя первые репетиции, — усмехнулся Марк. — Я начинал с баса, прежде чем перейти на шестиструнку. Вопросы есть?

Алиса посмотрела на огромные настенные часы в рекреации. Большая стрелка приближалась к цифре четыре. Впереди маячил пустой дом, уроки, которые она всё равно не сможет делать, и бесконечный вечер в четырех стенах.

— Что будет, если я если у меня случится приступ? Ну, там горло сведет. Или я упаду.

Марк криво улыбнулся. В этой улыбке промелькнуло что-то темное, личное.

— Я сломаю систему звукоусиления голыми руками, вытащу тебя со сцены на плече, и мы выиграем конкурс молчанием. Такой перформанс оценят даже в столице. А теперь перестань придумывать катастрофы. Катастрофы придут сами, обещаю. Наше дело — подготовиться.

Он хлопнул её по плечу так, что зубы лязгнули.

— До шести, Лисенок. Не опаздывай. И ради всего святого, переодень эту кофту. Она выглядит так, будто в ней хоронили динозавров.

Не дожидаясь ответа, Марк нырнул в человеческий поток и исчез в направлении мужского туалета — единственного места в школе, где можно было курить в окно, не опасаясь завуча.

Алиса осталась стоять посреди галдящего коридора. Колени всё ещё мелко тряслись, а ладони вспотели. Но впервые за долгие годы головокружение от страха сопровождалось четким планом. Она глубоко вдохнула спертый воздух школы. Пыль, хлорка, дешевые духи. И едва уловимый запах озона, оставшийся после речи московского продюсера.

Домой идти расхотелось. Сидеть в комнате и прятаться больше не казалось спасением. Это казалось предательством по отношению к той девочке, которая вчера пела в пустом зале. К той девочке, чей голос смог заполнить всё пространство до потолка.

Первый урок новой жизни начался прямо сейчас. Спускаясь по широкой мраморной лестнице школы, Алиса заставила себя выпрямить спину. Выходить из здания приходилось сквозь строй любопытных глаз. Группа десятиклассниц обсуждала шансы местной рэп-группировки «Токсины». Два спортсмена спорили, какая аппаратура лучше звучит в деревенском клубе. Все говорили только о конкурсе. Воздух буквально искрил амбициями.

У самых дверей, придерживая тяжелую створку рукой, Алиса столкнулась с Соней Лавровой. Соня была королевой их параллели. Высокая, с идеальным контурингом, в дорогом тренче песочного цвета, который стоил как подержанный автомобиль. В руке она держала седьмой айфон, снимая сторис для своего блога, где уже насчитывалось пятьдесят тысяч подписчиков. Соня олицетворяла успех, доступный жителям Заречья: красивая картинка, продающая местные кофейни.

Она остановила запись, опустила телефон и окинула Алису долгим, изучающим взглядом с ног до головы. Взгляд был липким, оценивающим, как у коллекционера насекомых.

— Это ведь на тебе та самая кофта, которую надевают, когда идут выкидывать мусор? — лениво протянула Соня, перекидывая длинные светлые пряди через плечо. — Решила сменить имидж, Морозова? Страшилой быть модно в этом сезоне? Раньше Алиса бы съежилась, пробормотала извинение и постаралась слиться со стеной. Руки сами собой дернулись к капюшону, желая натянуть его на глаза. Но сегодня внутри что-то щелкнуло. Возможно, сказались восемь часов непрерывного стресса. Или утренняя встреча с Марком. Или осознание того, что скоро ей предстоит петь перед тысячами людей, и одна язвительная блондинка — это меньшее из зол.

Алиса остановилась. Посмотрела прямо на Соню. Не в пол, не в сторону, а точно в зрачки.

— Это оверсайз, Лаврова, — ровным голосом ответила она. — Говорят, скрывает недостатки фигуры. Попробуй как-нибудь, а то твой тренч слишком сильно подчеркивает отсутствие бедер.

Повисла звенящая пауза. Проходящие мимо ученики замедлили шаг. Соня моргнула. Её кукольное лицо на секунду потеряло маску высокомерия, обнажив чистое изумление. Никто и никогда не отвечал ей в таком тоне. Тем более — тихая Алиса Морозова.

Затем тонкие губы Сони изогнулись в холодной, змеиной улыбке.

— Ой, посмотрите, мышка показала зубки, — пропела она в камеру телефона, вновь включая запись. — Кажется, вчерашнее одиночество в актовом зале плохо влияет на нервную систему. Будь осторожна, Алиска. Иногда те, кто громко рычит в пустой комнате, описываются от страха при первом включенном софите. Увидимся на кастинге, неудачница.

Она изящно обошла застывшую Алису и процокала каблуками к выходу, продолжая что-то щебетать своим подписчикам о бренности бытия школьных аутсайдеров.

Алиса проводила её взглядом. Сердце снова заколотилось, но на этот раз не от страха. По венам тек чистый адреналин. Она не расплакалась. Не убежала. Она отбила удар. Криво, неумело, но попала.

Когда тяжелые двери школы закрылись за её спиной, отсекая шум и Соню, Алиса оказалась на крыльце. Солнце ударило по глазам, заставляя зажмуриться. Весенний ветер пах мокрым асфальтом и первой зеленью. До встречи у кинотеатра оставалось полтора часа. Впервые за долгое время дорога домой не казалась путем в убежище. Она казалась маршрутом на сборочный пункт. Алиса сунула руки в карманы джинсов и решительно свернула не к своему подъезду, а в сторону парка. Ей нужно было пройтись. Нужно было привыкнуть к мысли, что её кожа вот-вот перестанет быть невидимой. Десять дней. Срок годности её старой жизни подходил к концу.

Глава 3. Предложение Марка.

Кинотеатр «Рассвет» закрыли три года назад, когда стриминговые сервисы окончательно победили провинциальный кинопрокат. Теперь это было монументальное здание в стиле советского брутализма, облицованное серой плиткой, которая местами отвалилась, обнажив ржавую арматуру. Огромная афишная тумба у входа заросла диким плющом, а неоновые буквы названия давно потускнели и погасли навсегда. Для жителей Заречья «Рассвет» стал памятником несбывшимся надеждам — идеальное место для того, чтобы назначать встречи тем, кто сам чувствовал себя списанным со счетов.

Алиса пришла на десять минут раньше. Она стояла под козырьком бывшего кассового зала, прячась от мелкого, назойливого дождя, который начался полчаса назад и явно не собирался заканчиваться. Капюшон её старой толстовки был натянут так низко, что почти закрывал обзор. Алиса переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться, и мысленно проклинала всё: погоду, Марка Соколова, национальный фестиваль и собственную глупость, заставившую её согласиться на эту авантюру.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль к зданию подкатил старенький вишневый мотоцикл. Звук его двигателя разорвал сырой вечерний воздух — громкий, вибрирующий, совершенно неуместный для тихого спального района. Мотоцикл занесло на мокром асфальте при торможении, он остановился в опасной близости от бордюра, задрав переднее колесо. Марк заглушил мотор. На нем не было шлема, только защитные очки, поднятые на лоб. Длинные темные волосы прилипли к вискам, черная кожаная куртка-пилот забрызгана грязью из-под колес. Он выглядел как выходец из другого мира — агрессивного, быстрого и абсолютно свободного. Мира, где люди не боятся скорости.

— Запрыгивай, принцесса, — крикнул он, перекрывая шипение остывающего глушителя. — Или ты планируешь идти пешком до самой промзоны? У нас мало времени.

— Я не поеду на этом, — пискнула Алиса, инстинктивно отступая глубже под козырек. — Это самоубийство. И незаконно. У тебя даже шлема нет.

Марк снял очки и протер их краем футболки. Его глаза блестели азартом.

— Шлем портит прическу, а закон придумали трусы, которые боятся жить на полную катушку. Садись сзади. Держись за меня крепко, иначе свалишься на повороте, а мне потом отвечать перед твоей мамой. Хотя сомневаюсь, что она заметит твое отсутствие.

Это была дешевая манипуляция, удар ниже пояса, но он сработал. Упоминание мамы — вечно усталой, бледной женщины, работающей на двух сменах медсестрой в городской больнице, — задело Алису. Мама действительно вряд ли заметила бы, если бы дочь вернулась в полночь. Ей просто некогда было смотреть на часы.

С тяжелым вздохом, напоминающим всхлип, Алиса подошла к мотоциклу. Кожа седла была холодной и влажной. — Куда куда руки девать? — спросила она, чувствуя себя крайне нелепо.

— Обхвати меня за талию, — буднично ответил Марк. — И прижмись плотнее. Дорога разбитая, будет трясти. Если начнешь паниковать и душить меня — получишь по рукам. Поехали.

Он завел двигатель снова. Рык мотора теперь казался не угрожающим, а обещающим движение. Спасение от стоячей воды этого вечера. Алиса зажмурилась, обняла Марка за пояс и тут же отдернула руки, испугавшись собственной смелости. — Лисенок, мы так до утра простоим, — голос Марка прозвучал глухо, прямо перед ней. — Давай. Либо держись, либо иди домой учить интегралы. Выбор за тобой.

Она глубоко вдохнула влажный воздух и снова положила ладони ему на бока, поверх жесткой кожи куртки. Под тканью ощущались жар его тела и твердые мышцы спины. Алиса

уткнулась лицом между его лопаток. От Марка пахло дождем, бензином и чем-то терпким, похожим на можжевельник. Это был запах опасности. Настоящей жизни.

— Готова? — спросил он.

Вместо ответа Алиса лишь крепче вцепилась пальцами в ткань его куртки.

Мотоцикл рванул с места. Мир накренился. Ветер ударил в лицо, вышибая слезы, дождь превратился в тысячи ледяных иголок, впивающихся в кожу. Они пролетели мимо остановки, где ждала кучка промокших пенсионеров, мимо тусклых витрин круглосуточного магазина. Алиса никогда не ездил быстрее пятидесяти километров в час. Сейчас ей казалось, что они летят сто пятьдесят. Сердце колотилось где-то в горле, адреналин выжигал остатки дневного страха перед Соней и школьным коридором. Она перестала бояться упасть. Осталось только чистое, первобытное чувство полета сквозь серый апрельский вечер.

Промзона встретила их запахом жженных шин, мазута и гниющей воды. Мотоцикл свернул с главной дороги на узкую бетонку, вдоль которой тянулся бесконечный забор из гофрированного железа. Ржавчина на нем сливалась с цветом неба. Наконец Марк сбавил скорость и свернул в открытые настежь ворота старого складского комплекса. Внутри огромного ангара горел теплый желтый свет переносных ламп. Эхо многократно повторило звук мотора, прежде чем он стих.

— Слезай, приехали, — Марк заглушил двигатель. Ноги отказывались слушаться, колени дрожали мелкой дрожью. Алиса отпустила куртку парня, словно обжегшись, и поспешно одернула свою бесформенную толстовку, пряча покрасневшие от холода пальцы.

— Где мы? — шепотом спросила она, оглядывая циклопические размеры помещения. Потолок терялся во мраке, поддерживаемый массивными металлическими фермами.

— Бывший цех металлоконструкций, — Марк бросил шлем на сиденье и щелкнул выключателем. Под потолком с треском и гулом ожили длинные лампы дневного света. Одна из них противно мигала, заливая половину пространства мертвенно-бледным сиянием. — Мой дядя скупает банкротящиеся заводы на металлолом. Здесь еще полгода будут валяться старые станки, пока их не порежут автогенном. Арендная плата — бутылка коньяка сторожу раз в месяц. Добро пожаловать в Abbey Road Заречья.

Ангар был разделен на зоны старым рекламным баннером, растянутым от стены до стены. За баннером виднелось нагромождение ящиков и каких-то труб. Прямо посередине свободного пространства стоял чудовищный гибрид мебели: барабанная установка, собранная из разных гарнитуров. Бархат пластика пожелтел от времени, стойки были перевязаны синей изолентой. Рядом с ними красовался огромный промышленный усилитель весом килограммов в сорок, выглядевший так, будто мог озвучивать стадион. На нем маркером было выведено: «НЕ ТРОГАТЬ — УБЬЕТ».

— Господи, какой хлам, — выдохнула Алиса, подходя ближе. — Оно вообще работает?

— Всё работает, если приложить руки, — раздался низкий женский голос откуда-то сверху.

Алиса вздрогнула и резко обернулась. На металлической лестнице, ведущей на антресольный этаж (видимо, бывшую комнату охраны), сидела девушка. Одна нога небрежно болталась в воздухе, вторая упиралась в ступеньку. На ней были огромные наушники-вкладыши, обрезанные камуфляжные штаны и черный спортивный топ. Короткая стрижка «пикси» открывала острые скулы, а на шее, чуть выше ключицы, темнела свежая татуировка в виде разобранного механического циферблата. Девушка спрыгнула вниз. Приземление вышло мягким, кошачьим, несмотря на тяжелые армейские берцы на ногах. Ростом она была чуть ниже Алисы, но весила, кажется, раза в полтора больше из-за плотной мышечной массы.

— Это Ника Ветрова, — представил Марк. — Наше цунами. Ника, знакомься. Это Алиса Морозова. Та самая девочка, чье сердце звучит громче твоих барабанов. Ника окинула Алису

взглядом с головы до ног. Оценивающим, долгим и совершенно не дружелюбным. Так мясник смотрит на кусок говядины на рынке.

— Худовата, — вынесла вердикт Ника. — Сцена сжирает массу. Ты от сквозняка падать не будешь? — Не буду, — тихо, но четко ответила Алиса. Страх перед этой суровой девчонкой почему-то мгновенно испарился. После езды на мотоцикле и разговора с Соней Лавровой пугать её бритыми висками было бесполезно.

— Посмотрим, — ухмыльнулась Ника, обнажая щербинку между передними зубами. — Умеешь попадать в долю или орешь просто громко?

Прежде чем Алиса успела возмутиться такому определению вокала, из-за горы деревянных поддонов в углу ангара раздался сухой кашель. — Если орать в ля-миноре, это уже считается полифонией, — произнес спокойный, немного сонный голос. Из тени вышел Даня Ким. Выглядел он так, словно неделю жил в серверной без окон. Синяки под глазами такого глубокого фиолетового оттенка, будто их нарисовали гуашью. Одет он был в огромную толстовку с логотипом Linux, широкие шорты и полосатые носки разного цвета. В руках он сжимал выдавший виды ноутбук, обмотанный синей изолентой в районе петель.

— Привет, Аль, — кивнул он Алисе. — Марк сказал, у тебя диапазон четыре октавы. Если наврал, скину тебе вирус на почту, который удалит все фотки твоего кота.

— У меня нет кота, — автоматически ответила Алиса. — Значит, повезло, — пожал плечами Даня. — Но про диапазон правда? Нам не нужен очередной визжащий петух, которого ставят на первое сентября. Нам нужен инструмент.

Атмосфера в ангаре была густой, как кисель. Напряжение висело в воздухе вместе с запахом озона от старых проводов. Марк наслаждался этим. Он прошелся между своими подопечными, похлопывая ладонью по железной балке.

— Итак, — начал он, останавливаясь в центре. Глаза его горели лихорадочным огнем лидера. — Собрание клуба анонимных неудачников считаю открытым. Поздравляю всех. Мы официально сошли с ума, потому что решили играть музыку в городе, где главная достопримечательность — памятник Ленину из бетона. Ника фыркнула и демонстративно плюхнулась на ящик из-под аппаратуры, закинув ногу на ногу.

— Говори за себя, Соколов. Я здесь потому, что мой отчим обещал разбить мою установку кувалдой, если я еще раз сыграю блэк-метал после полуночи. Тут звукоизоляция нормальная, соседи ментов не вызовут. Плюс, — она кивнула на старый усилитель, — железо жирное. Лампы греют отлично.

— А я здесь, потому что платить за аренду нормальной студии у меня денег нет, а дома бабушка заставляет учить корейский ради «светлого будущего», — Даня сел прямо на пыльный пол, скрестив ноги по-турецки, и открыл ноутбук. Экран осветил его уставшее лицо болезненным голубым светом. — Кстати, интернет тут ловит только у ворот. Кто хочет постить сторис — вставайте там раком.

Марк проигнорировал жалобы. Он смотрел только на Алису.

— А ты? — спросил он мягко, но настойчиво. — Зачем ты здесь, Лисенок? Только честно. Не надо говорить про искусство.

Алиса сглотнула. Три пары глаз смотрели на неё в упор. Никому не было скучно. Никто не сидел в телефоне. Впервые в жизни она была центром внимания людей, которым не всё равно. И это было страшнее любой сцены.

— Я хочу звучать, — внезапно сказала она. Голос не дрогнул. — Всю жизнь я пыталась занимать как можно меньше места. Делать тише. Быть удобной. Чтобы мама не волновалась, учителя не ругались, одноклассники не замечали. Я устала быть мебелью. Хочу занять пространство. Хоть ненадолго.

В ангаре повисла тишина. Даже мигающая лампа, казалось, перестала трещать. Ника медленно сняла резинку с волос, которых почти не было, и бросила её в угол. Даня перестал печатать.

— Годится, — наконец кивнул Марк. — Желание эгоистичное, честное и очень правильное. Из этого может выйти толк. Даня, включай метроном. Ника, покажи свой самый злой малый барабан. Алиса...

Марк подошел к ней вплотную. Он был выше на целую голову, и сейчас, в полумраке ангара, его фигура казалась монолитной.

— Спой нам. Не песню. Просто звук. Найди самую низкую ноту, которую можешь достать. Без слов. Как зверь.

— Прямо сейчас? — пискнула Алиса. — Без распевки? Без пианино? Я сорву связки!

— Связки созданы для того, чтобы их рвать и восстанавливать, — отрезала Ника, доставая из кармана палочки. — Либо пой, либо снимай кофту, будем использовать тебя вместо диффузора для колонки. Эффективнее выйдет.

Даня нажал пару клавиш. Из огромных мониторов, подключенных к ноутбуку, вырвался сухой, электронный щелчок. *Цок. Цок. Цок.* Метроном пошел ровно, отсчитывая время равнодушно и точно, как гильотина.

Алиса закрыла глаза. Попыталась вспомнить то ощущение из пустого актового зала. Но здесь было сложнее. Здесь были люди. Ждущие. Скептические.

Цок. Она сделала вдох. Глубокий, животом, расправляя ребра, как учил единственный нормальный педагог в музыкальной школе, куда мама водила её два года.

Цок. Звук родился внизу живота. Горячий, тяжелый ком. Она пропустила его через грудь, окрасив бархатом, и вытолкнул наружу. Это была нота "соль" контроктавы. Низкая, вибрирующая, заполняющая собой весь объем ангара. Стекла в дальних окнах едва заметно задрожали. Старый усилитель издал тихий одобрителный гул.

Ника замерла с поднятыми палочками. Даня перестал дышать. Марк удовлетворенно прикрыл глаза. — Хорошо, — прохрипел он, не открывая глаз. — А теперь верх. Самый пик. Там, где больно.

Алиса послушно скользнула вверх по гамме. Голос переливался легко, без усилий. Когда она взяла предельную высокую ноту, чистый, звенящий фальцет прорезал воздух, как лазер. Никакой сипоты, никакой неуверенности. Чистый хрусталь.

Она открыла глаза. Парни смотрели на неё так, словно видели впервые. — Охренеть, — выдохнула Ника, опуская палочки. — Почему ты ходишь в мешке из-под картошки? Тебе нужно стоять на стадионе Уэмбли.

— Стадион подождет, — Марк очнулся от транса и хлопнул в ладоши, возвращая себе деловой тон. — Инструментал есть? Что-нибудь тяжелое, но с местом для воздуха.

— набросок есть, — Даня защелкал мышкой. — Называется «Город не спит». Темп сто двадцать. Размер четыре четверти. Басовую линию я прописал синтом, но живой бас лег бы лучше. Ника, вступление помнишь?

— Помню, — буркнула Ника, перехватывая палочки правильным хватом. — Жирный бит с оттягом на слабую долю. Рок-н-ролл для тех, кому разбили нос.

Она села за установку. Сделала пробный круг по тарелкам. Звук был сухим, мощным, идеально читаемым. Никаких дешевых понтов, только грув. Затем она взглянула на Марка. Тот едва заметно кивнул.

Ника ударила.

Это не было похоже на школьную самодеятельность. Первый удар большого барабана (бочки) сотряс деревянный пол ангара. Словно выстрел из пушки малого калибра. Следом вступил малый барабан — резкий, звонкий хлопок, от которого хотелось втянуть голову в

плечи. Даня добавил пульсирующий басовый синтезатор. Ангар наполнился звуком. Плотным, осязаемым, физическим давлением на грудную клетку.

Алиса пошатнулась. Музыка была настолько громкой, что вытеснила все мысли. Стоять рядом с такой мощью было физически невозможно — тело само хотело двигаться, кричать, сопротивляться.

— Ну?! — проревел Марк, перекрывая шквал звука. Он вскинул гитару, лежавшую всё это время на ящике, и ударил по струнам медиатором. Электричество взвыло протяжным, блюзовым аккордом. — Пой! Чувствуй ритм ногами! Барабан — это твой пульс!

Алиса инстинктивно шагнула вперед, уходя из-под прямого удара гитарного комбика. Метроном продолжал щелкать внутри микшерного пульта Дани, задавая сетку. Она поймала глазами взгляд Ники. Барабанщица оскалилась и врезала по тарелке крэш так яростно, что полетели искры.

И тогда Алиса запела.

Сначала это был просто звук, наложенный на рифф Марка. Протяжный, тягучий вой сирены воздушной тревоги. Текст рождался сам собой, вылетая из подсознания:

Серый асфальт пьет бензин и усталость, Нам ничего, ничего не осталось...

Голос её взлетел над инструментами. Мощное сопрано не боролось с рок-группой — оно оседлало звуковую волну, став ещё одной гитарой, ещё одним инструментом в общем хаосе.

Марк крутанулся на пятках, его черные волосы взметнулись веером. Он играл жестко, агрессивно, вбивая аккорды в доски пола. Ника вошла в раскачку, её голова качалась в такт, а удары становились всё плотнее. Даня, обычно неподвижный, начал притопывать ногой в рваных носках, добавляя к электронному басу живую перкуссию.

Это был первый раз, когда Алиса пела не для стен. Она пела для этих троих чужих, странных, колючих людей. И они отвечали ей. Каждый аккорд Марка был ответом на её вопрос. Каждый удар Ники — поддержкой её дыхания.

Они импровизировали второй куплет. Марк изменил гармонию, сделав её минорнее, трагичнее. Алиса тут же перестроилась, добавив в вокал рыдающие нотки кантри-блюза.

Припев должен был взорвать пространство. Алиса набрала полные легкие воздуха. Вспомнила слова Борисаова о голоде. Вспомнила смех в зале пять лет назад. Вспомнила презрительную улыбку Сони сегодня днем. Весь страх, вся злость, всё унижение, которое она копила годами, превратились в топливо.

— **НО-Я-НЕ-ХО-ЧУ-БЫТЬ-ТИ-ШИ-НОЙ!** — выкрикнула она, вкладывая в каждый слог физическую силу.

Она сорвалась на крик, но это был контролируемый, профессиональный крик-шторм.

В этот момент Ника перешла на бласт-бит. Палочки замелькали в воздухе неразличимой серой массой. Пол под ногами реально заходил ходуном. Даня врубил дисторшн на синтезаторе, создавая стену белого шума. Марк встал на одно колено и провел смычком (откуда он его достал?) по струнам, издав жуткий, инопланетный визг.

Это был абсолютный музыкальный оргазм. Катастрофа высшей пробы.

Звук длился секунд тридцать, показавшихся вечностью. А затем Марк резко рубанул рукой по воздуху.

Стена звука рухнула. Наступила тишина такая густая и плотная, что зазвенело в ушах. Единственным звуком оставалось тяжелое дыхание четырех человек и затухающий гул перегруженного усилителя.

Алиса стояла посреди ангара, опустив руки. По вискам тек пот. Легкие горели огнем. Колени дрожали так сильно, что пришлось сесть прямо на пыльный пол, чтобы не упасть. Во рту пересохло, вкус стоял металлический.

Первым молчание нарушил Даня. Он снял очки, потер переносицу и произнес своим ровным голосом программиста: — Процессор моего ноутбука зафиксировал кратковремен-

ный скачок напряжения в сети на восемь процентов во время финального крещендо. Думаю, физика плачет, но математика впечатлена. Это технически сложная фраза для твоих связок. Ты могла умереть.

Ника швырнула одну палочку в другой конец ангара, где она застряла в пенопласте. Лицо барабанщицы покраснелось, челка прилипла ко лбу.

— Я думала, эта установка развалится, — прохрипела она, тяжело дыша. — Ты слышала себя? Ты перекрыла овердрайв. Живьем. Без автотюна. Да чтоб меня, да мы просто машина для убийств! Ты псих, Морозова. Натуральная психичка. Оставайся.

Марк молчал. Он прислонил гитару к стойке микрофона и подошел к Алисе. Опустился на корточки перед ней, так что их лица оказались на одном уровне. В свете мигающей лампы его глаза казались совсем черными. Он осторожно взял её правую руку. Ладонь была горячей. Между большим и указательным пальцем побелела полоска — след от слишком сильного сжатия кулака во время пения.

— Видишь? — тихо сказал он. — Сцена — это не красные софиты. Сцена — это вот этот бетонный пол. И эти трое придурков. И ты. Пока мы играем друг для друга — никто не сможет нас засмеять. Потому что им придется сначала пройти через Нику. А у нее палочки тяжелые.

Алиса смотрела на него снизу вверх. Она ожидала увидеть торжество победителя. Самодовольство человека, который нашел нужный пазл. Но в глазах Марка плескалась та же безумная радость, что и у неё самой. Он тоже получил дозу чистого звука, которого ему так не хватало.

— Это репетиция, — прошептала она. — Всего лишь репетиция в сарае. — Все великие группы начинались в сараях, гаражах и подвалах, — Марк поднялся и протянул ей руку. — Добро пожаловать в группу, Алиса Морозова. Официально. Попробуй теперь сказать, что хочешь уйти.

Алиса посмотрела на его ладонь. Потом обвела взглядом ангар. На облупившуюся краску, на желтые барабаны, на мерцающий экран ноутбука. Эти люди были сумасшедшими. Они играли на сломанном железе в здании, которое скоро разберут на гвозди. У них не было шансов против профессиональных студий Егора Барина.

Но именно здесь, сидя на пыльном бетоне с саднящим горлом, Алиса впервые за пять лет почувствовала себя дома.

Она вложила свою руку в его. Рукопожатие получилось крепким, мужским. Без сантиментов.

— Когда начинаем писать альбом? — спросила она.

Марк расхохотался. Громко, искренне, эхом разносясь под сводами заброшенного цеха. Ника присоединилась к нему своим лающим смешком, а Даня позволил себе редкую, едва заметную улыбку в углу рта.

— Завтра, — отсмеявшись, ответил Марк.

— В шесть. Не опаздывай. И захвати воды. Минеральной. Твоей глотке завтра понадобится ремонт.

Вечер закончился поздно. Они просидели в ангаре до десяти часов, обсуждая структуру песен, споря о том, должна ли музыка быть понятной массам или оставаться искусством для избранных, делясь пищей, которую привез курьер прямо к воротам завода.

Когда Алиса вышла на улицу, дождь прекратился. Воздух пах озоном и мокрым металлом. До её окраины пришлось добираться на двух автобусах, но она не чувствовала усталости.

Зайдя в квартиру, она прошла мимо кухни, где мама мыла посуду, даже не поздоровавшись. Прошла в свою комнату, плотно закрыла дверь и встала перед старым зеркалом в дверце шкафа.

На неё смотрела та же семнадцатилетняя девочка в растянутой толстовке. Те же спутанные русые волосы. Те же темные круги под глазами от недосыпа. Но теперь зеркало отражало кое-что еще.

За спиной девочки, в мутной глубине стекла, словно фантомы, стояли трое: хищный гитарист, суровая барабанщица и гениальный затворник с ноутбуком. Алиса провела пальцем по своему отражению в области горла. Горло всё ещё горело.

— Город не спит, — тихо пропела она хриплым, севшим голосом ту строчку, что родилась сегодня сама собой. И отражение в зеркале впервые за долгие годы ответило ей легкой, уверенной улыбкой.

Глава 4. Сцена из прошлого.

Дом встретил Алису привычной тишиной, которая всегда казалась ей оглушительной после репетиций в ангаре. В гараже Марка звук имел вес и объем — он давил на грудную клетку, вибрировал в зубах, заставлял кровь бежать быстрее. Дома же тишина была похожа на пыльный ватный матрас, под которым невозможно дышать.

Квартира встретила запахом хлорки и пригоревшего молока. Мама сидела на кухне за столом, сгорбившись над тетрадью с рецептами. При свете дешевой лампы под потолком она выглядела старше своих сорока лет. Морщинки в уголках глаз стали глубже, а волосы у корней предательски выдавали седину, которую она давно перестала крашивать. — Суп будешь? — спросила она, не поднимая головы и продолжая что-то быстро записывать шариковой ручкой. — Я сварила куриный. Маркину мать звонила, говорит, ты опять поздно. У вас там всё в порядке?

«Маркина мать» звучало как официальный статус. Родители Марка развелись пять лет назад, отец уехал куда-то на Север на заработки и растворился, оставив сыну гитару, долги по алиментам и вечное желание уехать подальше от Заречья.

— Всё хорошо, мам, — Алиса подошла к столу и чмокнула маму в макушку, пахнущую чем-то уютным, аптечным. — Мы просто музыку пишем.

Мама наконец подняла глаза. Она посмотрела на дочь долгим, изучающим взглядом, задержавшись на осипшем горле и грязных разводах на коленях джинсов.

— Пишете или кричите? — вздохнула она. — Голос посадишь перед этим своим конкурсом. Слово «конкурс» мама произнесла так, будто это было название тяжелой болезни. — Не посажу, — улыбнулась Алиса. Она достала из холодильника кастрюлю, плеснула суп в тарелку и поставила в микроволновку. — Там хорошая аппаратура будет. И я больше не боюсь.

Это прозвучало слишком громко для их кухни. Микроволновка пикнула, возвещая о готовности, но Алиса не двигалась. Она смотрела на мамины руки — тонкие, с коротко стриженными ногтями, пальцы которых слегка подрагивали над рецептом пирога. — Мам? — тихо позвала Алиса. — Ты помнишь конкурс «Юная звезда»? Тот самый. Когда мне было двенадцать.

Вилка, которой мама машинально перемешивала остывающий чай, замерла. Воздух на кухне мгновенно загустел. Лицо мамы стало непроницаемой маской — профессиональная медсестра умела скрывать эмоции лучше любого игрока в покер.

— Зачем ты об этом вспомнила? — голос её стал бесцветным. — Это старая история, Лисенок. Древняя история. Давай не будем — Покажи видео, — перебила её Алиса. — Пожалуйста. То самое. Которое выложили тогда в сеть.

Мама медленно положила вилку на стол. Звук удара фарфора о дерево показался выстрелом.

— Алис, нет. Я удалила его еще пять лет назад. Сразу, как только мы вышли из того зала. Я стерла всё: записи с телефона, копии на диске. Чтобы ты не мучила себя.

— Но оно есть, — Алиса обошла стол и села напротив, заглядывая матери в глаза. — Оно гуляет по сети до сих пор. Его присылают новым ученикам в музыкальной школе. Мне сегодня Даня скинул ссылку. Сказал, что нашел на каком-то форуме мемов нулевых годов. Называется «Девочка и пустой стул». Мам, они смеются до сих пор. А я даже не помню, как это выглядело со стороны. Только свой страх.

Лицо мамы дрогнуло. Броня треснула, обнажив старую, незажившую рану. Она тяжело оперлась локтями о стол, сцепив пальцы в замок до побелевших костяшек.

— Лиса, смотреть на это — мазохизм. Тебе было больно. Нам всем было больно. Твой отец тогда сказал, что сцена — это не твое, и забрал тебя оттуда навсегда. Он был прав. Нужно беречь психику.

Упоминание отца снова резануло. Десять лет назад он сел в поезд до Тюмени, обещая вернуться через полгода с деньгами на новую квартиру. Алисе было семь. Она ждала его каждый день у окна. Потом ждать перестала, но пустота в том месте, где должен был быть папа, никуда не делась. Именно поэтому провал на сцене ударил вдвойне — она боялась оказаться ненужной еще раз.

— Мой отец сбежал, потому что испугался ответственности, — ровным голосом сказала Алиса. — Он ушел, чтобы не видеть твоего лица, когда денег не хватит на ремонт. Я не хочу быть как он. Я устала убегать от вещей, которые причиняют боль. Если я должна победить этот страх, я должна увидеть врага в лицо.

Мама долго молчала. Секунды тянулись, капая в тишину, как вода из неисправного крана. Наконец она тяжело выдохнула.

— Хорошо, — прошептала она. — Пойдем. Ноутбук в моей спальне.

Комната матери всегда напоминала лазарет — идеальный порядок, заправленная без единой складочки кровать, стопки чистого белья, пахнущего морозом. На прикроватной тумбочке стояла единственная фотография в доме: маленькая девочка в смешном костюме зайчика на утреннике в детском саду. Никаких свадебных фото. Никаких портретов мужа. Только Алиса.

Мама включила старый ноутбук. Устройство издало жалобный скрип вентиляторов, загружая систему. Пока грузился рабочий стол, женщина молча вышла из комнаты и вернулась через минуту с толстой синей папкой, перетянутой резинкой.

— Что это? — спросила Алиса.

— Твоя шкатулка, — мама слабо улыбнулась. — То, что осталось от той девочки, которая верила в чудеса. Она положила папку на край кровати рядом с дочерью, села сама и открыла крышку ноутбука. Экран осветил их лица болезненно-голубым светом.

Пальцы мамы двигались неуверенно, словно она открывала дверь камеры пыток. Поисковая строка. Запрос:

«Алиса Морозова Юная звезда 2019 полный выпуск».

По экрану побежала полоса загрузки. Низкое качество картинки, зернистость любительской съемки, сделанной кем-то из зала на кнопочный телефон.

— Закрой глаза, если станет страшно, — тихо сказала мама, кладя свою теплую ладонь поверх ледяных пальцев Алисы.

Видео началось. Сначала были титры местного телеканала. Затем — общий план сцены Дворца культуры «Металлург». Огромная конструкция из блестящего картона, изображающая космический корабль, занимала половину площадки. Свет софитов бил прямо в камеру, превращая зрителей в темное, шевелящееся пятно. Ведущий, местный депутат с приклеенной улыбкой, объявил:

— А сейчас на эту сцену выйдет самая юная участница нашей программы! Встречайте! Алиса Морозова!

Камера метнулась к кулисам. Оттуда, ведомый за руку пухлой женщиной-распорядительницей, вышел ребенок. У Алисы перехватило дыхание. На экране монитора стояла не она. Вернее, она, но абсолютно чужая. Девочка в том самом голубом платье с дешевыми пайетками, которые царапали кожу. Туго заплетенные косички с огромными белыми бантами торчали в разные стороны, делая голову похожей на пропеллер. Щеки нарумянены свекольным цветом. Губы густо намазаны липким блеском. Но страшнее всего были глаза. Огромные, темные блюдца. В них не было детского восторга. Там плескался чистый, дистиллированный ужас животного, попавшего в капкан. Эта девочка уже знала, что проиграла, хотя ещё не сделала ни одного шага.

— Господи, во что они меня превратили, — прошептала взрослая Алиса, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Я выгляжу как кукла, которую пожевала собака.

— Ты просила купить блестящее, — глухо ответила мама, не отрывая взгляда от экрана. Её губы дрожали. — Ты хотела быть принцессой. Я думала, тебе понравится. Принцесса шагнула в центр слепящего пятна света. Зал вежливо захлопал. Камера показала крупный план: детские ручки судорожно сжимают микрофонную стойку так, что побелели костяшки. Стойка была выше неё почти вдвое.

Заиграла музыка. Минусовка песни «Крылатые качели» — громкая, синтезаторная, совершенно не подходящая для тонкого детского голоса. Мелодия требовала широкого дыхания и академической постановки, которыми двенадцатилетняя Алиса не владела. Она начала петь.

Первые две ноты прозвучали чисто. Тоненько, высоко, но верно. Зал притих. Казалось, вот-вот случится чудо.

Затем начался первый куплет.

«В юном месяце апреле»

Голос дрогнул. Совсем чуть-чуть. Споткнулся на согласной. Девочка на экране попыталась взять дыхание, как учил педагог, но паника сдавила диафрагму железным обручем. Воздуха не хватило. Нота съехала вниз, превратившись в жалобный писк.

Алиса зажмурилась, ожидая услышать тот самый дьявольский хохот с галерки, который преследовал её все эти годы. Но вместо гогота зал выдал лишь несколько одиноких кашлей. Кто-то зашикал на соседа. — Они не смеялись, — выдохнула Алиса, открывая глаза. — Mam, почему я слышу смех?

— Потому что твой мозг решил защитить тебя, солнышко, — сквозь слезы прошептала мама. — Легче думать, что над тобой смеялись идиоты, чем признать, что сотни людей смотрели на твой ужас и им было тебя невыносимо жалко. Жалость убивает хуже насмешек.

Девочка на экране продолжала петь. Теперь она шла не по нотам, а по памяти слов, механически открывая рот. Пайетки на груди платья тускло мерцали в свете прожекторов, пот струился по виску, размывая тушь (зачем ей накрасили ресницы?). Наступил момент перехода на высокую фразу. Кульминация.

«Шар крутится земной!»

Девочка набрала воздуха. Потянула ноту. И тут случилось то, чего боится любой артист. Связки, пересушенные от волнения и отсутствия правильного питьевого режима, подвели. Вместо мощного звука изо рта вырвался сиплый, дребезжащий свист. Как проколота шина. Микрофон усилил этот звук, выплюнув его в колонки мерзким фидбэком. Ребенок на сцене замер. Музыка играла дальше — равнодушный механизм минусовки нельзя остановить слезами. Космический корабль на заднике продолжал светиться лампочками. Жизнь вокруг шоу шла своим чередом.

Алиса внутри экрана моргнула один раз. Медленно, как подстреленный воробей. И мир рухнул.

Крупный план показал лицо вблизи. Нижняя губа затряслась. Глаза, до этого полные ужаса, начали наполняться влагой. Ресницы слиплись от потекшей туши. Одна огромная, прозрачная слеза скатилась по нарумяненной щеке, оставляя влажный след в пудре.

Она забыла слова. Полностью. Рот открылся, хватая воздух, но имя следующего существительного исчезло. Осталось только осознание катастрофы вселенского масштаба.

Зал начал понимать, что происходит. Сначала пошел тихий ропот. Потом кто-то — взрослый мужчина, судя по темному силуэту — громко, раскатисто хохотнул: «Во дает!»

Этот смех стал спусковым крючком. Словно прорвало плотину. Смех покатился волнами. Сначала робкий, сочувственный. Потом злой. Подростки на задних рядах начали свистеть. Кто-то бросил на сцену бумажный самолетик. Маленькая Алиса на экране опустила микрофон.

Она больше не пыталась петь. Она просто стояла посреди огромного, враждебного космоса из картона и пластика, глядя в темноту невидящим взглядом. Слезы теперь текли сплошным потоком. Голубое платье казалось тюремной робой.

Распорядительница выбежала из-за кулис, схватила девочку за плечи и буквально уволокла за черный бархат, скрывающий бетонную стену ДК. Музыка оборвалась на полуслове. Ведущий выскочил с натужной улыбкой:

— Какие бурные аплодисменты дебютантке! Давайте поддержим нашу звездочку! Но аплодисментов не было. Было лишь нарастающее гудение толпы, недовольной сбоем программы.

Видео закончилось. Черный экран. Тихое шипение файла.

В комнате плакали обе. Мама закрыла лицо руками, её плечи тряслись от беззвучных рыданий взрослого человека, который не смог спасти своего ребенка. Алиса почувствовала, как по её собственным щекам катятся горячие капли. Но это были не слезы слабости. Это была лавина. Вся та боль, которую она утрамбовывала внутрь пять лет, прорывалась наружу.

— Выключи, — прохрипела она.

Мама поспешно захлопнула крышку ноутбука. В наступившей темноте спальни, освещаемой только уличным фонарем за окном, было слышно только их прерывистое дыхание. Мама придвинулась ближе, обняла Алису крепко-крепко, прижимая к своей теплой груди, пахнущей домом. Она гладила её по волосам, повторяя одно и то же:

— Тише, моя хорошая тише всё прошло мама здесь никто тебя не тронет...

Они просидели так минут десять. Когда первая волна истерики схлынула, Алиса высвободилась из объятий. Достала из кармана толстовки смартфон. Руки всё ещё дрожали, но движения стали точными. — Что ты делаешь? — встревожилась мама.

— Проверяю, — Алиса разблокировала экран. Открыла браузер. Зашла на видеохостинг. Она вбила те же самые буквы. *«Алиса Морозова Юная звезда»*.

Поисковик выдал десятки результатов. Клипы других детей, обзоры фестиваля. И он. Тот самый ролик. Качество чуть лучше, видимо, перезалитый с кассеты. Количество просмотров: сто сорок тысяч. Комментарии сыпались даже сейчас, спустя пять лет.

«Господи, какой кринж. Родителям должно быть стыдно выводить такое на сцену».

«Токсичный батя заставил?»

«Пайетки уровня сельпо))))))»

«Я смотрел это в прямом эфире, пацаны сзади реально блевали от смеха».

«Бедный ребенок. За что её так одели?»

Алиса читала их одну за другой. Раньше каждое такое слово было бы ударом ножа. Сейчас она чувствовала странную, холодную отстраненность. Читала не про себя. Читала про ту девочку в нелепом платье.

— Видишь? — прошептала мама, заглядывая через плечо. — Они чудовища. Напиши администрации сайта, пусть удалят.

Алиса покачала головой. Палец скользнул ниже, в раздел «Похожие видео». Там, справа от основного окошка плеера, ютились маленькие иконки рекомендованных роликов. И одна из них привлекла внимание Алисы. Ролик назывался: *«Операторская кабина во время выступления Алисы Морозовой. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ»*.

— Что это? — нахмурилась Алиса.

— Не открывай, — дернулась мама. — Там наверняка какие-нибудь гадости говорят за кадром.

Но любопытство — лучший анестетик. Алиса кликнула на файл.

Картинка была темной, снятой откуда-то снизу вверх, из-под края сцены. Шла запись ровно того же момента. Играет музыка. Выходит девочка в голубом. Начинает петь.

Но звуковая дорожка была другой.

Вместо музыки из динамиков ДК, Алиса слышала разговор двух мужчин в технической рубке. Техников пульта. Один хрустел чипсами, второй говорил в гарнитуру:

— Серег, приглуши пятый канал чутка, фонит. Да, эта мелкая господи, ну и видок у неё. Мать вообще видела, кого выпускает? Банты размером с парашют.— Да ладно тебе, Михалыч, нормальная девчонка. Старательная.

— Старательная она дома перед зеркалом. А тут давление двести атмосфер. Смотри, сейчас посыпется Во. Началось. Дай-ка ревер на нее побольше, хоть эхо красивое сделаем, чтоб не так стыдно слушать было.

Алиса слушала этот циничный, бытовой треп техников, и её начало мелко трясти. Но не от страха. От злости. Эти мужики даже не ненавидели её. Для них она была просто ошибкой в эквалайзере. Помехой перед антрактом, когда можно пойти курить.

Дальше — хуже. Когда голос девочки сорвался на высокой ноте, техник Михалыч смачно выругался:— Твою дивизию. Говорил я звукорежу детскому, надо было петличку ей беспроводную. Эта стойка ей по грудь. Стоит, шею вытянула, кадык передавила. Куда она тянет связки на таком зажиме? Естественно, воздуха нет. Педагога на мыло.

Он нажал кнопку. Музыка в наушниках видеооператора стихла, остался только чистый звук со сцены — тот самый сиплый свист. Техник добавил громкости в мониторы. И заржал. Громко, заливисто, хлопая себя по колену:

— Ой, не могу! Пацаны, слышали? Она мышь проглотила! Ха-ха! Ставлю пузырь, что она сейчас обделается прямо в свои пайетки!

Второй техник тоже засмеялся. Их смех заполнил наушники, став оглушительным. А потом камера оператора резко перевела фокус со спины девочки в зал. И Алиса увидела правду.

Зал не сотрясаясь от хохота. Большинство людей сидели в напряженном молчании. Женщина в третьем ряду прижимала руки ко рту, её лицо искажала гримаса боли и сострадания. Мужчина рядом с ней гневно обернулся на того самого подростка, который крикнул про «дает», и зло шикнул на него. Дети в первых рядах смотрели широко раскрытыми глазами, испуганно, сопереживая. Им было жалко девочку на сцене. Хохот шел только с балкона. Небольшая группа парней лет шестнадцати, явно подогретых пивом перед входом, улюлюкала и бросала попкорн. Человек пять от силы на весь огромный зал. Их шум попадал в микрофоны операторов, усиливался техникой, желающей сделать эфир «динамичнее», и транслировался в записи как единый рев толпы.— Они не смеялись, — прошептала Алиса мертвым голосом.— Почти никто не смеялся.

— Конечно, не смеялись, — горько сказала мама, обнимая дочь за плечи. — Люди не звери, Лисенок. Просто телевизионщики искали рейтинг. Скандальный эфир смотрят чаще. Они взяли смех пятерых пьяных дурачков с балкона и сделали его звуком целого города.

Алиса смотрела на экран смартфона. На застывшее лицо маленькой девочки, которая стоит одна под слепящим светом. На лице этой девочки не было вины. Был шок. Обида на взрослых, которые пообещали ей сказку, а привели на бойню.

Пять лет. Пять лет она жила в тюрьме, построенной из пяти голосов с балкона и шуток уставшего звукорежиссера. Пять лет она отказывалась выходить на свет, наказывая тысячи людей в зале, которые втайне болели за неё.

Аккуратно, двумя пальцами, Алиса закрыла вкладку с видеороликом. Затем открыла мессенджер. Создала новую группу. Добавила туда три контакта:

Марк Соколов, Ника Ветрова, Даня Ким.

Её пальцы летали над клавиатурой, печатая сообщение. Сердце больше не колотилось от ужаса. Оно стучало ровно, сильно и очень, очень далеко от горла.

Алиса: *Привет. Завтра в шесть в ангаре.*

Алиса: *У меня есть текст новой песни.*

Алиса: *Называется «Снова дышать».*

Алиса: *Первый куплет начинается так: «Ты хотел превратить мой крик в шепот, но забыл, что вакуум взрывается».*

Она отправила сообщения и заблокировала экран. Посмотрела на маму. Взгляд Алисы больше не был взглядом затравленного зверька. В глубине темно-карих радужек вспыхнул холодный, стальной огонь.— Знаешь, мам, — спокойно сказала она, вставая с кровати. — Спасибо, что показала. — Лиса — начала было мама, пытаюсь поймать её руку.

— Всё нормально, — Алиса мягко высвободилась. — Правда. Теперь я знаю правила игры. Дело было не во мне. Дело было в плохом звуке и плохой режиссуре. Мы исправим и то, и другое.

Она пошла к двери, но остановилась на пороге.

— И да, мам. Та песня «Крылатые качели» отличная композиция. Даня сделает из неё такой электро-рок ремикс, что у этих комментаторов челюсти отвиснут. Спокойной ночи.

Оставшись одна в спальне, мама еще долго смотрела на закрытую дверь. На старом ноутбуке всё ещё горел экран поисковика. Она протянула руку и медленно, палец за пальцем, закрыла крышку. Впервые за пять лет тяжесть, лежавшая на её сердце, стала чуть легче. Страх не ушел окончательно, но он уступил место чему-то другому. Опасному, непредсказуемому, но живому.

Алиса вошла в свою комнату. Плотно прикрыла дверь. Подошла к окну и распахнула форточку, впуская сырой ночной воздух апреля. Капли дождя упали на подоконник.

Она сняла ненавистную толстовку и бросила её на стул. Подошла к шкафу. Распахнула дверцы. Старая одежда висела там аккуратными рядами: серые водолазки, мешковатые джинсы, бесформенные кардиганы. Одежда-призрак. Одежда-невидимка.

Алиса провела рукой по ткани. Затем решительно сдвинула всё это в сторону, в дальний угол шкафа. Где-то на дне коробки с зимними вещами лежала вещь, которую она не доставала со дня того конкурса. Черная кожаная куртка-косуха, которую мама подарила ей на десятилетие, надеясь, что дочь перерастет любовь к динозаврам и перейдет к более женственному стилю. Куртка была ей немного велика, потерта на локтях и пахла старым домом.

Алиса вытащила её. Натянула на плечи. Кожа скрипнула. Куртка легла на тело тяжелым, надежным щитом. Она повернулась к зеркалу на внутренней стороне двери. Черная кожа против призрачных серых тряпок. Прямая спина против опущенных плеч. Из зеркала на неё смотрела не жертва школьного концерта. На неё смотрела вокалистка группы «Громче сердца».

Алиса подняла подбородок. Посмотрела себе прямо в глаза.

— Ну что, — тихо сказала она своему отражению. — Добро пожаловать обратно в мир. У нас много работы.

Она щелкнула выключателем. Комната погрузилась в темноту.

Глава 5. Ника бьёт ритм.

Гараж дяди Никиты пах смертью, машинным маслом и дешевым растворителем. Это был огромный бетонный саркофаг на окраине промышленной зоны Заречья, зажатый между цехом по производству пластиковых окон и свалкой металлолома. Вместо одной из стен здесь были массивные подъемные ворота из рифленого железа, которые дядя Никита никогда не закрывал до конца — «чтобы крысы не жирели в темноте», как он говорил.

Алиса стояла у входа, ежась от утреннего холода. После душной спальни и откровений вчерашнего вечера промозглый апрель казался освежающим душем. Она куталась в черную куртку-косуху, которая всё ещё была ей велика и пахла нафталином, но давала странное чувство защищенности. Брони.

Марк приехал раньше неё. Его вишневый мотоцикл стоял прямо посередине гаража, небрежно брошенный возле верстака. Сам Марк сидел на капоте древнего, разобранного до основания «Москвича-412» и яростно спорил с Даней Кимом. Даня примостился на перевернутой пластиковой бочке. Между его коленей стоял ноутбук, экран которого светился ядовито-зелеными графиками звуковых волн. На голове Кима красовались огромные студийные наушники, полностью отрезавшие его от реальности. Он качал головой в такт какому-то внутреннему ритму, периодически тыкая пальцем в клавиатуру и что-то шипя себе под нос

— Я тебе говорю, четыре четверти — это могила для этой темы! — горячился Марк, рубя воздух рукой. В другой руке он сжимал недопитую банку энергетика.

— Нам нужен кач. Свинг. Чтобы люди ногами топали, а не засыпали! Дай сюда бас!

Он попытался выхватить мышь у Дани, но тот молниеносно прижал её к груди, словно спасая котенка от огня. — Не трогай темп-мап! — огрызнулся Даня, сдвинув один амбушюр наушника. — Если ты ускоришь метроном ради своего тестостерона, вокалистка захлебнется на втором припеве. У Алисы диапазон есть, а дыхалки пока нет. Мы строим архитектуру, Соколов, а не сарай для дров!

Алиса тихо хмыкнула. Слово «вокалистка» в устах Дани звучало как диагноз или название редкого химического элемента. Он смотрел на неё вчера не как на человека, а как на сложный акустический прибор, который нужно правильно настроить.

— О, принцесса трущоб явилась, — заметил её присутствие Марк. Он спрыгнул с капота, подошел и бесцеремонно забрал из её рук рюкзак, швырнув его на стопку старых покрышек. — Чего застыла? Проходи. Здесь полы чистые относительно. Только смотри под ноги, тут где-то масляная лужа недельной давности засохла, можно приклеиться.

Алиса сделала шаг внутрь. Под тяжелыми ботинками хрустнуло стекло. Гараж действительно напоминал логово безумного изобретателя. По периметру стояли стеллажи, заваленные коробками с надписью «НЕЧЕГО ТУТ СМОТРЕТЬ». В углу высилась гора автомобильных сидений. Посреди этого хаоса возвышался алтарь музыки: барабанная установка Ники.

Вчера она видела её лишь мельком, в полумраке ангара. Сейчас, при тусклом свете единственной работающей лампы дневного света, барабаны выглядели пугающе. Желтый пластик рабочих барабанов был испещрен глубокими шрамами от палочек. Тарелки имели неровный, зазубренный край — Ника явно предпочитала играть ребром, срезая звук ножом. Вся конструкция держалась на честном слове, синей изолянте и проволоке.

— Где наша валькирия? — спросил Марк, закуривая сигарету прямо в гараже и выпуская дым в сторону открытого окна. — Обещала быть в девять. Десять минут десятого. Дисциплина ноль.

Словно отвечая на его вопрос, тишину разорвал рев мотора. Но это был не плавный рокот мотоцикла Марка. Это был грохот старого эндуро без глушителя, стреляющего пламенем из выхлопной трубы. Металлические ворота гаража с лязгом разъехались еще шире. В проем,

лихо развернувшись на заднем колесе, влетел кроссовый мотоцикл. За рулем сидела фигура в полном экипе: черный шлем с белой наклейкой скалящегося черепа, защита шеи, мотокуртка поверх спортивного топа.

Мотоцикл резко затормозил в полуметре от барабанной установки. Двигатель кашлянул в последний раз и заглох. Наступившая тишина показалась звоном в ушах.

Ника сняла шлем. Короткие волосы торчали дыбом, лицо покраснелось от ветра, а на лбу блестели капельки пота. Она стянула перчатки, бросила их на бензобак и обвела парней тяжелым взглядом. — Опять курите внутри, дегенераты? — голос у неё был низкий, прокуренный. — От вас воняет, как из пепельницы. Аль, ты чего бледная? Труп нашла?

— Почти, — буркнул Даня, наконец снимая наушники. — Твой драм-сэмпл сорок восьмого года. Звучит так, будто кто-то бьет молотком по ведру из-под майонеза. Нужна замена.

— Мои барабаны стоят дороже твоего китайского калькулятора, умник, — Ника ловко перепрыгнула через седло мотоцикла и приземлилась на бетон босыми ногами (мотоботы она уже скинула). — И звучит оно как удар кулаком в челюсть. А твоя задача сделать так, чтобы этот удар читался даже в дешевых затычках школьниц. Так что бери свое ведро и крути ручки дальше.

Она подошла к своей установке. Провела ладонью по желтому пластику малого барабана, словно поглаживая крупное животное. Затем села на крутящийся стул. Раздался скрип пружины. Ника взяла палочки. Простые, деревянные, ничем не примечательные *Vic Firth 5A*. Она покрутила их в пальцах, разминая кисти. Никаких эффектных трюков, никаких перекидываний. Просто сухие, точные движения хищника перед прыжком.

— Ну что, новенькая, — Ника посмотрела на Алису снизу вверх. Глаза у барабанщицы были светло-серые, почти прозрачные, цвета мокрого асфальта. Цепкие и абсолютно лишённые эмоций. — Боишься?

Вопрос прозвучал не как издевка, а как медицинский опрос. Проверка пульса. — Боюсь, — честно призналась Алиса. — Вас всех боюсь. Особенно когда вы начинаете говорить про частотные характеристики. Ника впервые за утро улыбнулась. Улыбка у неё была быстрая, кривая, делающая лицо неожиданно юным. — Правильно боишься. Мы психи. Но мы полезные психи. Садись вон туда, — она кивнула на старый деревянный ящик неподалеку от бочки Дани. — Прямо напротив меня. Смотри мне в глаза. И слушай грудной клеткой. Горло сегодня отдыхает. — То есть петь не будем? — разочарованно протянул Марк, туша сигарету о подошву ботинка. — Ты тупой, Соколов? — лениво отозвалась Ника, заноса палочки над установкой.

— Вы пять дней пытаетесь заставить её кричать. Она орет хорошо, громко, аж стекла дрожат. Толку ноль. Как только включаются гитары, она зажимается и начинает петь горлом. Звук плоский. Нужно мясо. А мясо берется отсюда. Ника коротко, без замаха, ударила ногой по педали бас-барабана. *БУМ*.

Звук не был громким. Вернее, громкость была умеренной, но физическое воздействие оказалось колоссальным. Низкая частота прошла сквозь бетонный пол, поднялась по ножкам стула Алисы, вошла в кости таза и резонировала где-то в солнечном сплетении. Это было похоже на сердцебиение гигантского зверя. Медленное, глубокое, неотвратимое.

— Еще раз, — скомандовала Ника, хотя никто не просил. *БУМ*. Алиса непроизвольно выдохнула. Внутри что-то опустилось. Паника, гнездившаяся там со вчерашнего вечера, испугалась этого звука. Страх высоты боится глубокой воды.

— Расслабь плечи, — приказала Ника. — Они у тебя сейчас до ушей достают. Куртка красивая, кстати. Сразу плюс десять к выживаемости. Готова почувствовать пульс города? Алиса только кивнула. Говорить не хотелось. Хотелось слушать.

Ника закрыла глаза. Сделала глубокий вдох носом. И началось. Она не стала играть сложные сбивки или дробь. Она начала с простого. Четкий, размеренный счет. Бочка на первую и

третью долю. *РАЗ-два-ТРИ-четыре*. Хлопок малого барабана (снера) на вторую и четвертую. *раз-ДВА-три-ЧЕТЫРЕ*.

Это был классический бит. Рок-н-рольный фундамент. Но то, как Ника его подавала, превращало метроном в живое существо. Палочки порхали. Правая рука вела ровную пульсацию по хай-хэту — звонкую, искрящуюся (*цсс-тсс-цсс-тсс*), создавая ощущение непрерывного движения воздуха. Левая рука вбивала снэр так мощно, что каждый удар отдавался болью в зубах. — Чувствуешь? — крикнула Ника, не прекращая играть. Её тело раскачивалось в такт. Голова опущена, подбородок прижат к груди, позвоночник прямой, как стальной стержень. Она играла всем телом, от пальцев ног до макушки. — Это поезд. Ритм секции — это гребанные рельсы. Если машинист-гитарист решит свернуть в кусты, вагон сойдет с пути. Моя задача — держать тебя на путях, даже если вокруг пожар и апокалипсис. Алиса смотрела на руки Ники. На то, как работают предплечья — жилистые, сильные. На то, как напрягается шея. Барабанщица не просто отбивала время. Она рассказывала историю каждым ударом. Снэр звучал зло, отрывисто — как выстрелы. Хай-хэт шелестел, как дождь по крыше того самого ангара. Бас-бочка ворчала, как недовольный медведь.

— Открой рот, — внезапно скомандовала Ника, делая акцентированный брейк (короткую паузу-вставку), после которого удар вернулся с удвоенной силой. — Букву «А». Просто тяни. Без нот. Как сирена.

Алиса послушно открыла рот. Воздух свободно прошел через гортань. Никакого зажима. Низкочастотная вибрация пола работала лучше любого психолога — она буквально выбивала пробки из ушей.

— Громче! — рыкнула Ника, переходя на двойной бочкой ход. Пол начал мелко трястись. *БУМ-БУМ-БУМ-БУМ*. — Пусть связки трепещут! Пой вибрацией! Алиса увеличила подачу. Звук получился утробным, животным. Он смешивался с грохотом барабанов, становясь частью этого механизма. — Вот! — Ника резко оборвала игру. Стоп-кадр. Последний удар малого барабана повис в воздухе и медленно растаял. — Чувствовала? Резонанс. Когда твой голос попадает в ту же частоту, что и кожа барабана, они начинают разговаривать друг с другом. Тебе не нужно толкать звук наружу. Тебе нужно поймать отраженную волну. Марк присвистнул, подходя ближе. Он сел на корточки рядом с Алисой, глядя на подругу почти с религиозным обожанием. — Мать моя женщина, — пробормотал он. — Ника, ты хоть понимаешь, что ты сейчас делала? Ты дала ей метроном, который может убить. Это не четыре четверти. Это бронепоезд.

— Спасибо, капитан Очевидность, — Ника откинулась на спинку стула, тяжело дыша. Лицо её горело, челка прилипла ко лбу. Она схватила бутылку с водой, сделала жадный глоток и пролила половину себе на топ. — Теперь ваша очередь, мальчики. Покажите даме ваши игрушки. Только учтите: если перегрузите середину, я утоплю вас в тарелках. Место в миксе надо заслужить.

Даня оживился. Для него слова «микширование» и «частотные конфликты» были слаще любой поэзии. Он быстро защелкал клавишами ноутбука. Из огромных колонок, подключенных к старому диджейскому пульту в углу, поплыли звуки синтезатора. Это была совсем другая музыка. Холодная, цифровая, пульсирующая. Глубокий саб-бас заставлял бутылки на полках жалобно звенеть. Поверх него ложились острые, кислотные арпеджио.

— Текстура фона, — комментировал Даня, не отрываясь от экрана. — Основа куплета. Минимализм. Оставляем пространство для дыхания. Бит программный, семьдесят ударов. Медленно, вязко. Чтобы создать контраст с истерикой припева.

— Звучит как саундтрек к порно для роботов, — сморщился Марк. — Где грув? Где кишки? — Грув будет, когда вступишь ты со своим бревном, — парировал Даня. — Гитара номер два. Модель «Я купил её на барахолке за три тысячи».

Марк фыркнул, но покорно взял инструмент. Это была старая электрогитара неопределенного азиатского происхождения, покрашенная в матовый черный цвет. Марк воткнул шнур в усилитель, щелкнул переключателем канала и ударил по струнам медиатором.

Комната содрогнулась. Это не был чистый блюзовый звон. Это был густой, жирный дисторшн. Звук заполнил гараж целиком, вытесняя запах бензина запахом горячего лака и меди. Марк играл рифф — простой, повторяющийся рисунок из трех нот, но каждая нота звучала весомо, агрессивно, занимая собой всё пространство.

Алиса инстинктивно втянула голову в плечи. Звук был физически неприятным, слишком острым. — Тише! — взвизгнула она, закрывая уши руками. — У меня зубы вибрируют!

Марк мгновенно убавил громкость на комбике, виновато разведя руками. — Прости. Забыл, что у обычных людей голова не выдерживает ста децибел. Итак, Лисенок. Задача. Он снова сыграл рифф, теперь тише. Рифф был мрачным, хромающим, похожим на шаги раненого животного. — Твоя героиня идет ночью через промзону, — сказал Марк, продолжая перебирать струны. — Ей страшно, но она злится на свой страх. Она хочет раздавить его. Пой не мелодию. Пой агрессию. Шепчи. Рычи. Используй субтон. Сделай так, чтобы от твоего голоса мурашки шли, а не желание подпевать хором. Поняла?

Алиса встала. Кожаный косухи зашуршал. Она вышла на свободное пространство перед барабанами, оказавшись ровно в центре звуковой воронки, которую создавали инструменты. Слева — ледяной холод электроники Дани. Справа — жаркий огонь гитарного усилителя Марка. Прямо перед ней — вулканическая активность Ники...

Она закрыла глаза, вспоминая текст песни «Снова дышать», написанный сегодня в четыре утра прыгающими буквами в заметках телефона. *«Стены сжимаются. Краска трескается. Я рисую пальцами линии вен...»*

Она не запела сразу. Сначала она позволила музыке проникнуть внутрь. Пропустила через себя глухой удар бочки Дани (который теперь бил мягче, вполсилы), пропустила зудящий рифф Марка. Затем она открыла рот.

Никакого чистого сопрано. Никакого академического звукоизвлечения, которое в неё вбивали в детстве. Звук родился глубоко в диафрагме, прошел через сжатое горло и вышел наружу сиплым, низким полупшепотом-полурыванием. Субтон обволакивал основные ноты, создавая эффект двойного голоса. Будто пел один человек, а аккомпанировал ему призрак. *«На потолке пляшут тени чужих грехов»* Марк перестал играть аккордами. Он перешел на одиночные, тягучие ноты, позволяя голосу Алисы висеть в пустоте. Даня добавил легкий фоновый пэд — долгий электронный аккорд, создающий атмосферу космоса.

— Хорошо, — прошипел Марк, не переставая играть. — Теперь второй квадрат. Там боль переходит в ярость. Вспоминай Соню. Вспоминай техников. Сожми кулаки. Алиса сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Музыка нарастала. Даня увеличил скорость секвенсора. Марк сделал звук грязнее, добавив больше низких частот. И Алиса сорвалась. Голос взлетел из бархатного шепота в пронзительный, открытый крик-стилл, полный такой концентрированной ненависти, что у Марка дернулись руки на грифе. *«ДАЙТЕ МНЕ ВОЗДУХ! ИЛИ Я СОЖГУ ЭТОТ ДОМ!»*

Ника вступила именно в эту секунду. Она не просто поддержала ритм. Она обрушилась на установку. Кардан (двойная педаль бас-бочки) заработал с пулеметной скоростью. Тарелка райд зазвенела тревожным набатом. Малый барабан трещал, как автоматная очередь. Это был взрыв. Музыкальный оргазм четырех совершенно разных людей, которые вдруг начали слышать друг друга. Электроника, рок, джазовая агрессия барабанов и оперная мощь вокала сплелись в единый канат, который невозможно разорвать.

Алиса пела с закрытыми глазами. Она не видела гаража. Она видела серый асфальт, о котором писала. Она чувствовала, как куртка становится тесной от жара собственного тела. Пот стекал по спине, но это был приятный жар работы, а не липкий холодный пот паники.

Крик закончился. Инструменты стихали постепенно, уходя в длинный хвост реверберации. Последним затих бас-барабан Ники. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

Алиса стояла посреди гаража, тяжело дышая ртом. Легкие горели, во рту пересохло, колени подгибались. Косуха промокла насквозь. Сердце пыталось пробить ребра изнутри.

Первым молчание нарушил Даня. Он снял очки и методично протер их краем толстовки. — Согласно показаниям моего децибелометра, — произнес он своим обычным скучным голосом, — на пике припева звуковое давление достигло ста пятнадцати децибел. У нас лопнули бы барабанные перепонки, если бы не промышленная звукоизоляция стен. С точки зрения физики — это контролируемый взрыв малой мощности. Впечатляет.

Ника швырнула палочки в потолок. Они воткнулись в старую пенопластовую панель и остались там дрожать. — Я думала, эта педаль отвалится, — прохрипела она, массируя икру ноги. — Бей своих, чтоб чужие боялись, Аль. Жестко. Мне нравится. Кровь есть.

Марк положил гитару прямо на пол, грифом вниз — вещь, за которую любой музыкант убил бы его на месте. Он подошел к Алисе. Посмотрел на её расцарапанные в кровь ладони, на мокрую от пота челку, на лихорадочный румянец. В глазах парня плескалось чистое, мальчишеское восхищение.

— Знаешь, почему ты пела в актовом зале одна? — тихо спросил он. — Потому что там не было кого ненавидеть. А человеку нужна причина, чтобы выпустить льва. Сегодня у тебя была причина. Мы — твои причины. Пользуйся.

Алиса попыталась ответить, но смогла только слабо улыбнуться. Адреналин отступал, оставляя после себя ватную слабость и невероятное, пьянящее счастье. Впервые за долгие годы она не просто издала громкий звук. Она создала эмоцию. И трое незнакомцев приняли её, отразили своими инструментами и вернули обратно, сделав сильнее.

— Ладно, сеанс экзорцизма окончен, — Ника тяжело поднялась со стула, похрустывая позвонками. — Кто-нибудь, сгоняйте в магаз за углом. Купите воды, энергетиков и хлебцов. У меня сахар упал, я сейчас сожру чей-нибудь кроссовок. Деньги на тумбочке у входа, дядя оставил на пиво.

— Почему я? — возмутился Марк. — Потому что от тебя несет табачищем, продавщица подумает, что тебе восемнадцать, — отрезала Ника, направляясь к своему мотоциклу. — И шевелись, у нас через час репетиция заканчивается, придет хор ветеранов занимать помещение. Хочу прописать партию рабочего барабана для второго куплета, пока железо горячее.

Марк показал ей средний палец, натянул кожанку поверх футболки и пошел к выходу. Уже в дверях он обернулся: — Аль, ты как?

Алиса посмотрела на свои руки. Засохшая кровь на костяшках. Синяк на предплечье от удара о стойку микрофона (которой там не было). Сорванный голос. Она чувствовала себя так, будто её переехал грузовик. И это было лучшее утро в её жизни.

— Живее всех живых, — ответила она и сама удивилась твердости своего голоса. — Скажи Нике, пусть бережет палочки. Вечером добавим бласт-бит в концовку.

Улыбка Марка стала хищной. Он кивнул и исчез за воротами.

Даня тем временем уже копался в проводах, восстанавливая порядок после эмоционального взрыва. Он работал тихо, эффективно, возвращая гаражу статус технической лаборатории.

Алиса подошла к окну. Солнце стояло высоко, освещая ряды серых гаражей-коробок. Где-то лаяла собака. Гудела трасса. Обычная жизнь Заречья. Но внутри неё самой больше не было обычной жизни. Там гремела музыка.

Глава 6. Даня и его биты.

Если гараж Ники был сердцем группы — пульсирующим, горячим и непредсказуемым, то серверная компьютерного клуба «Матрица» была её мозгом. Или, точнее, центральным процессором. Алиса стояла на пороге этого святилища, щурясь от резкого контраста. После пыльного полумрака ангара и сырого холода улицы глаза слезились от неоновосинего свечения десятков мониторов. Воздух здесь пах озоном, перегретым пластиком дешевого кофе из автомата и чем-то специфически мужским — запахом старой пыли в системных блоках и несбывшихся надежд геймеров нулевых годов.

Клуб располагался в подвале жилого дома. Чтобы попасть сюда, нужно было спуститься по бетонной лестнице, миновать облупившуюся дверь с кодовым замком (который давно сломан и подпирался кирпичом) и пройти сквозь узкий коридор, увешанный выцветшими постерами игр пятнадцатилетней давности. — Нам точно сюда? — спросила Алиса, придерживая ворот куртки у носа. — Тут воняет смертью материнских плат.

Марк только ухмыльнулся. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде. В отличие от солнечного света, который он презирал, или физических тренировок Ники, которые казались ему варварством, царство проводов и алгоритмов вызывало у него священный трепет. — Даня тут главный жрец, — прошептал Марк, хотя шептать в общем зале было глупо — стоял гул вентиляторов, способный перекрыть взлетающий самолет. — Если ты понравишься его железу, он сделает нам звук. Если нет — скормит тебя своему жесткому диску. Иди за мной. Не трогай красный кабель. Вообще ничего не трогай.

Они прошли мимо рядов подростков, сгорбившихся над светящимися клавиатурами. Лица игроков были подсвечены снизу, превращая их в мертвенно-бледные маски, дергающиеся в такт виртуальным перестрелкам. Никто даже не поднял головы. Для них внешнего мира не существовало.

Даню они нашли в самом дальнем углу, за массивной железной дверью без таблички. На ней кто-то маркером нарисовал радиоактивный знак и написал: «УБЬЕТ». Это была серверная. Комната размером с кладовку для метел, заставленная стойками с мигающими диодами. Здесь было жарко, как в сауне, и шумно, как в цеху. Единственный островок спокойствия — старый офисный стул на колесиках, развернутый спинкой к двери. Из-за спинки торчала макушка Кима и один наушник-вкладыш, из которого доносился быстрый, ломаный ритм драм-н-бейса.

— Мы закрываем локацию через час, — бросил Даня, не оборачиваясь. Его пальцы летали над механической клавиатурой, издавая сухой треск, похожий на стрекот саранчи. — Если пришли играть в танки, берите машину номер двенадцать, там видеокарта еще дышит.

— Мы пришли дышать музыкой, Царь Чипов, — громко сказал Марк, перекрывая гул кулеров. — Выходи из матрицы, Нео. У нас кризис жанра.

Даня медленно повернул кресло. Очки в толстой черной оправе сидели криво, а одна дужка была перемотана той самой синей изолентой. Под глазами залегли тени такого глубокого фиолетового цвета, что казалось, будто он носит боевую раскраску. На нем была та же толстовка с Linux, но поверх неё зачем-то был накинут капюшон от худи, создавая эффект многослойности луковицы.

— Какой BPM? — спросил он вместо приветствия, снимая наушники и вешая их на шею. Шнур змеей скользнул по груди.

— Что? — опешила Алиса. — Beats Per Minute. Темп. Пульс вашей истерики, — Даня развернулся к монитору, выводя на экран сложный график спектра частот. — Соколов хочет сто сорок ударов в минуту, чтобы качать толпу. Я говорю — девяносто восемь, чтобы дать вокалу пространство для мелизмов. Вы цапаетесь уже третий день. Я хочу знать цифры, прежде чем открою проект в DAW.

Он говорил короткими, рублеными фразами, словно экономил байты памяти. Каждое слово имело вес технического термина.

— Сто двадцать шесть, — неожиданно для самой себя сказала Алиса. — Средний темп между вашим ором и твоей депрессией. Это скорость быстрой ходьбы человека, который убеждает от проблем, но старается выглядеть достойно.

Марк присвистнул. Даня впервые посмотрел на Алису прямо. Снял очки и начал методично протирать линзы краем рукава. Без стекол его глаза оказались неожиданно большими, чуть навывкате, покрасневшие от сухости воздуха. — Аналитический склад ума, — констатировал он. — Хорошо. Садись. Там, на стопку коробок. Только не задень MIDI-контроллер ногой, он стоит больше твоей почки.

Алиса послушно села на штабель пустых упаковок от картриджей. Марк остался стоять, привалившись плечом к теплому металлическому косяку двери, сложив руки на груди. Он любил наблюдать за работой других, предпочитая дирижировать процессом.

— Проблема в том, — продолжил Даня, поворачиваясь к своей станции, состоящей из двух мониторов и ноутбука, подключенного к огромному микшерному пульта, занимавшему половину комнаты, — что ваша песня звучит как школьный утренник с амбициями. Гитара Марка жирная, но грязная. Барабаны Ники качают, но живут в аналоговом болоте восьмидесятых. Им нужен каркас. Скелет. Электроника.

Он защелкал клавишами. На главном мониторе открылась программа — сложная сетка из кубиков, линий и цветных прямоугольников. Алиса видела подобное только в кино про хакеров. — Вот ваш демосэмпл, — Даня нажал пробел.

Из студийных мониторов, висящих под потолком серверной, вырвался звук. Это была запись вчерашней репетиции в гараже, которую Марк тайком сделал на диктофон телефона. Качество было ужасным: фонило, хрипело, голос Алисы тонул в гуле ламп дневного света. Но энергия чувствовалась даже сквозь этот цифровой мусор.

— Слушайте внимательно, — Даня увеличил громкость. — Сороковая секунда. Припев. Голос Алисы рывкнул: «*ДАЙТЕ МНЕ ВОЗДУХ!*». Сразу после этого Ника врезала по тарелке так, что микрофон ушел в клипинг — раздался мерзкий цифровой треск. — Красиво, — язвительно заметил Даня. — Пиковый уровень минус ноль децибел. Поздравляю, мы пишем музыку для глухих. Но дело не в этом. Слушайте паузу перед криком. Она пустая. Там вакуум. Народ сейчас ленивый, им нужно всё разжевать битом. Они должны начать кивать головой еще до того, как вступит вокал.

Его тонкие, длинные пальцы — пальцы пианиста, никогда не державшие ничего тяжелее мышки — забегали по трекпаду. Он выделил участок звуковой волны перед припевом. — Сюда я кладу семпл, — пробормотал он себе под нос. — Sidechain-компрессия. Бас-гитара должна отступать каждый раз, когда бьет бочка. Освобождаем место в низкочастотном диапазоне. Иначе получится каша. Пока он говорил, он работал. Экран монитора отражался в его очках. Даня открыл библиотеку звуков. Сотни папок: *KICKS, SNARES, HATS, FX*. — Рокеры ненавидят электронные барабаны, — продолжал он лекцию, не глядя на гостей. — Говорят, что это "мертвый" звук. Идиоты. Живой барабанщик хорош в джаз-клубе. На стадионе живая установка превращается в кашу, потому что воздух не успевает переносить такую плотность звука. Электронный семпл доходит до уха зрителя мгновенно. Он пронзительный. Он читается.

Он выбрал файл. Короткий WAV-объект. Перетащил его на дорожку. *ТУЦ. ТУЦ. ТУЦ.* Звук был сухим, острым, как удар ножа по стеклу. *ТУЦ. ТУЦ. ТУЦ.* Он выстроил их ровно по сетке метронома. Идеально ровная линия.

— Слишком роботизированно, — поморщился Марк. — Жизнь где? Даня закатил глаза. — Господи, почему я должен учить гитаристов квантовой физике. Смотри.

Он открыл окно параметров «Velocity» (сила нажатия). Несколько кликов мышью. Теперь удары стали разными: первый — тяжелый (*БУМ*), второй — легкий (*тик*). — Свинг.

Humanize-функция. Смещение долей на три миллисекунды назад. Даю рандомизацию динамики на пятнадцать процентов. Ритм зазвучал иначе. Он всё ещё был электронным, математически точным, но теперь в нем появилась пульсация живого сердца. Казалось, что играет не машина, а очень собранный, злой инопланетянин.

— Вот, — Даня откинулся на спинку стула, скрещивая руки. — Это называется «Траншейная пила». Девяносто восемь ВРМ. Грайндхаус-эстетика. Мы пускаем это тихо, подкладом под живые барабаны Ники. Её малый барабан будет звучать сверху, как хлопок кнута. А мой семпл будет вибрировать внизу, как двигатель танка. Вопросы есть? Можете идти, мне нужно рендерить базу.

Марк оттолкнулся от стены. — Погоди, умник. Ты построил фундамент. А где мелодия? Где атмосфера? Наша песня начинается ночью. В ней должно быть сыро. Холодно. Твои пилы годятся для рейва в промзоне, а нам нужна — Нужна текстура, — закончил за него Даня. — Которую вы, приматы, пытаетесь сыграть на расстроенных струнах. Закрой рот, Соколов. Сядь. Аль, останься. Мне нужны твои уши. Женский слух чувствительнее к средним частотам, где живет вокал.

Марк замер с открытым ртом, затем демонстративно плюхнулся обратно на коробки, обиженно засопев. Ему нравилось командовать, но техническое превосходство Дани всегда ставило его на место.

Даня снова надел наушники, оставив одно ухо открытым для диалога. Он создал новую дорожку. — Когда подросток пишет песню о боли, он берет дисторшн и орет, — заговорил Ким, продолжая работать. Звукорежиссерская рутина делала его более разговорчивым, слова текли ровнее. — Это дешево. Боль бывает тихой. Давление перед взрывом. Скрежет металла, который вот-вот лопнет. Он загрузил новый синтезатор. Интерфейс программы заполнился сотнями ручек и осцилляторов. — Суб-бас, — пояснил он Алисе, указывая на крутилку с цифрой «30Hz». — Частота, которую ты не слышишь ушами. Ты чувствуешь её печенью. Поставим длинную, тягучую ноту. Как дыхание чудовища во сне.

Он сыграл одну ноту. Низкую, вибрирующую. Светильник на потолке серверной едва заметно мигнул в такт. Зубы Алисы предательски заныли. — Дальше — пад (pad), — Даня добавил высокий, звенящий слой. — Струнные, пропущенные через фильтр отчаяния. Представь, что скрипка плачет под водой. Звук действительно получился вязким, тревожным. Он заполнял собой все щели в комнате, давил на психику. Затем Даня добавил высокочастотный писк — белый шум, обработанный дилэем. — Это звук старого телевизора. Помехи. Эфир призраков. Мы живем в городе старых телевизоров, Аль. Пусть фон песни напоминает об этом. Слои накладывались друг на друга. То, что начиналось как агрессивный электронный бит, превратилось в густой, кинематографичный эмбиент. Звуковой ландшафт заброшенного завода ночью.

— А теперь конфликт, — хищно улыбнулся Даня, щелкая пальцами. — Контраст. Он резко сменил паттерн. Вместо мрачного дрона влетел яркий, почти попсовый синтезаторный рифф. Высокий, мажорный, раздражающе жизнерадостный. — Это надежда, — прокомментировал он. — Иллюзия. Та самая ложь, которой мы кормим себя утром, чтобы встать с кровати. «Всё будет хорошо». Он оставил этот радостный звук играть несколько секунд, вызывая у Марка нервный тик левого глаза, а затем одним движением ручки фильтра «закрутил» частоту вниз. Радостный звук замедлился, потускнел, растянулся и умер, превратившись в унылый вздох. — А потом реальность возвращается, — завершил Даня. — И она всегда звучит как поломанная шарманка.

Алиса слушала, подавшись вперед. Её колени дрожали, но уже не от страха сцены. Это был трепет исследователя. Даня не просто нажимал кнопки. Он рисовал картину. И эта картина идеально совпадала с тем черно-белым миром одиночества, который жил внутри неё.

— Почему почему ты помогаешь нам? — вдруг спросила она. — Ты мог бы писать саундтреки для игр. Или продавать эти биты рэперам. Зачем тебе мы? Наш гараж. Наша самостоятельность.

Даня остановился. Палец завис над кнопкой сохранения. Он снял очки и устало потер переносицу. Маска циничного программиста дала трещину, обнажив что-то уязвимое. — Потому что ваши гитары фальшивят, — честно ответил он. — Жестко фальшивят. Когда Марк берет аккорд, у меня кровь из ушей идет. Ника лупит по рабочему барабану так, что фаза сигнала уходит в тартарары. Это акустическая пытка. Он водрузил очки обратно, поправляя дужку с изолентой. — Но вчера когда ты кричала в гараже твой голос попал в резонанс с комнатой. Я видел это на анализаторе. Спектр стал чистым. Ты единственная в этой компании, кто умеет управлять хаосом. Ты даешь неправильную ноту, но делаешь это настолько уверенно, что она становится правильной. Моей электронике нужен такой изъян. Ей нужен человеческий гной, чтобы не стать пластмассой. Я делаю вам красиво снаружи. Ты даешь душу изнутри. Симбиоз.

В серверной повисла тишина, нарушаемая лишь гудением блоков питания. Марк смотрел на Даню со смесью удивления и уважения. Таким многословным битмейкера видели редко.

— Ладно, лирика окончена, — Даня кашлянул, возвращаясь к привычному тону. — Проект сохраним как «Громче_сердце_v3_beta». Пароль прежний — дата релиза Windows XP. Сейчас я выведу вам черновик минуса в наушники. Попробуй напеть туда свою «ночную ходьбу». Хочу посмотреть, где фраза разваливается.

Он протянул Алисе вторую пару наушников — огромные, профессиональные, полностью закрывающие уши. Они оказались неожиданно тяжелыми. — Левый канал — музыка. Правый — твой живой микрофон, чтобы я слышал естественное вибрато. Не пой в полную силу, связки береги. Просто обозначь мелодию. Алиса надела чашки. Мир отрезало. Остался только глубокий, пульсирующий бас прямо в центре мозга и мягкий баритон Марка, который придвинул свой стул ближе: — Мы с тобой, Лисенок. Просто покажи ему, куда вести корабль. Она кивнула, хотя никто её не видел. Закрыла глаза. Вдох. Задержка дыхания. На экране компьютера Даня навел курсор на кнопку записи. Красный круг горел, как глаз циклопа.

Алиса начала петь. Тихо. Почти речитативом. Она использовала самый низкий регистр своего голоса, тот грудной тон, которым разговаривала только сама с собой. Текст лег на электронную подложку идеально. Сухие, острые ритмы Дани создавали ощущение шагов по разбитому стеклу. Текстура падения капель воды с потолка. Пад, напоминающий ветер в тоннелях метро.

— Стоп, — внезапно скомандовал Даня. Голос его изменился, стал напряженным. — Фраза «рисую пальцами линии вен». Ты сделала акцент на слове «вен». Акцент падает на слабую долю. Это ломает грув. Сделай синкопу. Перенеси упор на «ЛИ-ни-и». Дай стаккато. Отрывисто. Как порез.

Алиса нахмурилась. Попробовала еще раз. «*РИ-сую паль-ЦА-ми ЛИ-ни-и ВЕН*» Она отстукивала ритм пальцем по колену, вбивая слово «ЛИ» точно в удар электронного малого барабана.

— Да! — Даня аж подпрыгнул в кресле, хватая карандаш и делая пометку на распечатанном листе текста. — Вот оно! Агрессия спрятанная, холодная. Записываю дубль. Он включил запись. Алиса пропела весь куплет целиком. Когда она закончила, в наушниках осталась только пульсирующая тишина баса. Она сняла их. Волосы наэлектризовались и стояли дыбом.

Марк молча взял у неё наушники, надел на секунду, прослушал фрагмент и присвистнул. — Это звучит как Nine Inch Nails встречается с Полиной Гагариной, — выдохнул он. — Даня, ты гений. Аль, ты монстр. Мы сделаем это. Даня сидел, уставившись в монитор. Зеленая волна аудиосигнала последнего дубля застыла на экране. Он долго молчал, водя курсором по идеальной синусоиде голоса Алисы. — Нужно переписать второй куплет, — наконец сказал он. — Там слишком много гласных. Разбавим согласными взрывными. Больше «К», больше «Т».

Будем плевать в микрофон. И финал финал надо ускорить вдвое. Бласт-бит. Чтобы мозги слушателей превратились в пудинг. Согласны на двойной припев?

— Согласны на всё, лишь бы работало, — махнул рукой Марк. — Собирай демо. Завтра покажем Нике. Она скажет, что это гейская дискотека, но потом украдет твой рабочий барабан для своих сбивок. Таков цикл жизни.

Даня проигнорировал выпад. Он сохранял проект. Процессорные кулеры взвыли на максимальных оборотах, обрабатывая тяжелые слои звука. — Есть два правила работы со мной, — не отрываясь от экрана, бросил он. — Первое: приходить вовремя. Мой внутренний процессор сбоит от чужой необязательности. Второе: если вы приносите грязь, я сделаю её профессиональной грязью. Но приносить плохие стихи запрещено. Текст решает. Железо вторично.

Он наконец повернулся к ним. Лицо выглядело изможденным, но глаза блестели лихорадочным огнем творца. — Свободны. Оба. У меня дедлайн по обновлению драйверов сервера. И принесите завтра нормальный аудиоинтерфейс, встроенная звуковая карта моего бука оскорбляет мои религиозные чувства.

Выходя из душной серверной обратно в гул игрового зала, Алиса почувствовала, как замерзает. Кондиционер клуба работал на полную. Марк шел рядом, насвистывая ту самую странную, синкопированную мелодию из куплета. — Видела его лицо? — усмехнулся гитарист. — Он ради этого синтвейва мать продаст. Даня думает, что он холодный айтишник. На деле он романтик, просто забыл, как открываются окна. — Он прав насчет стихов, — задумчиво сказала Алиса, застегивая косяху. Верхняя пуговица никак не хотела пролезать в петлю. — Песня стала другой. Раньше она была жалобой. Теперь это обвинение.

— Именно, — Марк придержал ей тяжелую железную дверь выхода, пропуская вперед. Солнечный свет ударил по глазам. — Добро пожаловать в производство боли класса люкс, Морозова. Следующая остановка — попытка объяснить Нике, почему ее любимые палочки должны звучать тише, чем кнопка на ноутбуке мальчика в очках. Хочешь бутерброд? Я сегодня при деньгах.

Алиса посмотрела на свои ладони. Потом на слепящее небо над крышами Заречья. Внутри неё всё ещё пульсировал тот электронный бит. Ровный, неумолимый, механический. Но теперь этот механизм служил ей.

Глава 7. Первый общий аккорд.

Гараж дяди Никиты встретил их запахом озона, остывающего металла и дешевого энергетика. Вчерашняя сессия в серверной Дани оставила после себя странное послевкусие: музыка перестала быть просто набором звуков и превратилась в сложный чертеж, где каждая линия должна была сходиться с другой под определенным углом. Сегодня они собрались полным составом впервые за неделю. Даня притащил из дома свой драгоценный аудиоинтерфейс — металлическую коробку с множеством мигающих лампочек, которая выглядела как пульт управления космическим кораблем. Марк наточил медиаторы до состояния лезвий. Алиса надела ту самую черную косуху, чувствуя себя в ней скорее рыцарем в латах перед битвой, чем певицей.

Но главной звездой вечера была Ника. Она стояла посреди гаража, опираясь на свою стойку для тарелок, и смотрела на ноутбук Дани так, словно это был ядовитый паук, незаконно проникший в её жилище.

— Я не буду играть под эту хрень, — процедила она, постукивая пальцами по бедру. На ней были надеты короткие перчатки без пальцев, а волосы стояли дыбом от статического электричества. — Это звучит как ритм микроволновки, у которой эпилепсия. Где грув? Где воздух между ударами?

Даня поправил очки, которые постоянно сползали на кончик носа. Он сидел на перевернутом ведре, защищая своим телом ноутбук, словно наседка яйцо. — Воздух занимает место в миксе, Ветрова, — монотонно ответил он. — У тебя его слишком много. Твои барабаны звучат как камни, падающие в колодец. Нам нужен швейцарский механизм. Идеальная сетка.

— Мне нужна кровь! — рявкнула Ника. — А твои сеточки годятся только для ловли бабочек! Марк вздохнул так тяжело, что пыль поднялась с капота «Москвича». Он отложил гитару и встал между ними, разведя руки в стороны, как рефери на ринге. — Так, банда, заткнулись оба, — голос его прозвучал непривычно жестко, заставив всех обернуться. — Мы здесь не для того, чтобы меряться, чей звук аутентичнее. Мы здесь ради песни. Аль, ты принесла текст?

Алиса молча кивнула. Она сидела на старом покрышке, обняв колени, и наблюдала за перепалкой. Внутри всё сжималось от знакомого чувства паники: *сейчас опять всё развалится*. Они такие разные. Слишком громкие, слишком умные, слишком злые. Склеить их воедино казалось невозможным, как смешать воду и масло.

— Тогда давай строить мост, — сказал Марк, неожиданно мягко улыбнувшись ей. — Даня, включай метроном твоего разлива. Тихо. Только для ориентира. Ника, возьми палочки. Просто послушай счет. Не бей. Просто слушай пульс этой пластмассовой коробки.

Ника фыркнула, но взяла палочки. Хват был агрессивным, костяшки побелели.

Даня щелкнул мышью. Из мониторов вырвался сухой, электронный клик. *Цик-цик-цик*. Ровный, стерильный, неживой. Сто двадцать шесть ударов в минуту. Сердцебиение человека в состоянии стресса.

— Закрой глаза, — приказал Марк барабанщице. — Представь, что это тиканье часов в комнате, где кого-то ждут. Ты ждешь. Время идет. Раздражает? Вот и отлично. Дай этому раздражению выйти через кисти рук. Прошло секунд десять. Десять идеальных электронных щелчков. На одиннадцатом ударе плечи Ники дрогнули. Палочка в левой руке едва заметно качнулась в такт. На двенадцатый удар кисть правой руки сделала короткое, нервное движение вниз, остановившись в миллиметре от пластика малого барабана. Она не ударила. Она лишь обозначила намерение. Резкий вдох сквозь сжатые зубы совпал с сильной долей.

— Хорошо, — прошептал Даня, не веря своим глазам. — Фаза совпадает. Её внутренний метроном тянется к моему. Продолжаем. Марк поднял руку, давая знак Дане убрать клики. В

гараже повисла звенящая тишина, наполненная только гудением старых советских труб отопления под потолком. — Моя очередь, — гитарист повернулся к усилителю. Он взял тяжелый аккорд Ля-минор. Пальцы легли на струны привычно, но вместо обычного грязного рева перегруза последовал совсем другой звук. Благодаря педали-компрессору, которую настроил Даня, нота не взорвалась шумом. Она раскрылась медленно, тягуче, как смола. Звук был густым, темно-красным. Он заполнил пространство гаража, вибрируя в каждой металлической детали старого верстака.

Вааааанг. Аккорд висел в воздухе долго, почти невыносимо долго, прежде чем начать затухать. Ника следила за звуком, прищутив глаза. Когда волна дисторшна начала опадать, превращаясь в тихий шелест, её правая рука сама собой метнулась вперед. *КЛАЦ!*

Малый барабан вступил ровно в тот момент, когда гитарный сустейн начал проседать. Деревянный удар срезал остатки эха, заменив его новой энергией. Это было похоже на магию. Грязная рок-гитара и жесткий электронный семпл, который тихо пульсировал на фоне (Даня всё-таки оставил подклад), вдруг нашли точку соприкосновения. Они не спорили. Они дышали друг другом.

— Бас, — скомандовал Марк, не прекращая играть рифф. Его ноги в тяжелых ботинках отбивали ритм по бетонному полу. — Кто сегодня держит низ? Вопрос завис в воздухе. Постоянного басиста у них не было. Марк мог зажимать простейшие партии одной рукой, но тогда ему пришлось бы бросить лидер-гитару.

Алиса почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Момент истины. Если сейчас никто не заполнит пустоту между бочкой Ники и гитарой Марка, магия рассыплется. Всё снова превратится в набор отдельных инструментов.

Она медленно слезла с покрышки. Колени предательски дрожали, но на этот раз не от страха сцены. От ответственности. — Я попробую, — тихо сказала она. Три пары глаз уставились на неё. — Ты? — синхронно спросили Марк и Ника. Даня просто приподнял бровь.

— Текстура, — ответила Алиса, вспоминая слова Дани про скрежет металла. — Вы играете широко. Вам нужно игольное ушко. Тонкая нить, которая прошьет трек насквозь. У меня тонкие пальцы.

Она подошла к углу, где валялся старый, потрепанный инструмент. Это была бас-гитара «Урал», найденная Марком на свалке полгода назад. Инструмент весил тонну, колки скрипели, а струны заржавели настолько, что казались проволокой.

— Эту дуру даже настраивать бесполезно, — скривился Марк. — Ей не нужен строй, — покачала головой Алиса. — Ей нужен характер. Она села на ящик из-под аппаратуры, перекинула широкую ремень через плечо. Гриф показался ей тяжелее лома. Левой рукой она неуклюже прижала первую струну к пятому ладу. Правой...

Правой рукой она не стала использовать медиатор. Вместо этого Алиса сложила указательный и средний палец вместе, как ее учил дедушка, когда показывал, как правильно есть уху из глубокой тарелки. И резко дернула струну ногтями — жесткое пиццикато.

ДУН. Звук был низким, расстроенным, похожим на стон раненого кита. Но в нем была глубина. Настоящая, утробная частота около сорока герц. Та самая, о которой говорил Даня. Печень завибрировала.

Она попала точно в долю с бочкой Ники. *БУМ.* (Барабаны) *Вааанг.* (Гитара) *ДУН.* (Бас) Тишина в гараже изменилась. Она больше не была пустой. Она стала плотной, осязаемой. Стены ангара словно придвинулись ближе, сжимая четверых людей в единый кулак.

— Еще, — прохрипел Марк, продолжая перебирать свой тягучий рифф. — Держи пульс, Аль. Не думай о нотах. Просто будь якорем.

Алиса закрыла глаза. Она перестала чувствовать тяжесть инструмента. Перестала слышать фальшь расстроенных ладов. Она слушала только Нику. Каждый удар рабочего барабана стал для неё стартовым пистолетом. *Раз-ДВА-три-Четыре.* Её пальцы работали механически.

Дернуть. Прижать-отпустить. Создать перкуссивный призыв там, где Ника переходила на хай-хэт. И тут произошло то, чего не планировал ни один из них.

Алиса открыла рот. Она не собиралась петь куплет. Слова еще не были готовы окончательно, мелодия плавала. Но вибрации баса, пропущенные через её тело, требовали выхода. Она запела самый низкий звук, на который были способны её связки. Это не была нота в музыкальном смысле. Это был горловой гул. Обертон. Звук тибетской чаши, если бы она была сделана из бетона и ярости.

Она мычала в унисон с расстроенной басовой струной, создавая диссонанс, от которого крошились зубы. Марк сбился с ритма на полтакта. Услышав этот нечеловеческий, индустриальный звук, идущий снизу, он инстинктивно изменил аппликатуру. Вместо минорного аккорда он перешел на квинтовый пауэр-аккорд, добавив больше высоких частот, чтобы прорезать густой гул. Гитара зазвенела холодно и зло.

Ника отреагировала мгновенно. Ее левая нога надела на педаль кардана. Скорость удвоилась. *ТУ-ДУМ-ту-дум-ТУ-ДУМ-ту-дум*. Ритм превратился в поезд, летящий под откос. Они больше не репетировали. Они дрались. Звуковая агрессия нарастала лавинообразно. Даня схватил микрофон, бросил его через весь зал Алисе та ловким движением опытного питчера, и нажал кнопку записи на пульте. Красный диод загорелся дьявольским огнем.

— Даю минус в уши! — крикнул он. — Лови!

В наушниках, которые Алиса успела надеть, взорвался готовый цифровой бит Дани. Холодные синтезаторы столкнулись с живым хаосом гаража. Электроника пыталась упорядочить рокеров, рокеры пытались сломать сетку электроники.

Алиса поймала баланс. Она отпустила бас-гитару, позволив ей упасть на грудь на ремне (звук стал протяжным, фидбэкующим) и перехватила микрофон двумя руками. Она больше не мычала. Она выплюнула первое слово текста: — *СТАЛЬ!* — крик получился сухим, лишенным всякой вокальной обработки. Голый нерв.

Марк услышал команду. Рифф стал рваным, стаккато. Пауэр-аккорды били точно в грудь. *БАМ-БАМ-БАМ-БАМ*.

Ника перешла на сплошную пулеметную дробь по тарелкам, открыв хай-хэт на максимум. Воздух наполнился металлическим свистом.

— *СМОТРИ В ГЛАЗА ЧУЖИХ ГРЕХОВ!* — голос Алисы взлетел на октаву вверх. Исчез сип, исчез страх. Остался чистый, острый металл. Она раскачивалась в такт музыке, волосы падали на лицо, кожа куртки поскрипывала в абсолютной синхронизации со скрежетом гитарных струн.

Музыка достигла точки кипения. Это был уже не первый аккорд. Это был термоядерный синтез. Четверо подростков, ненавидящих друг друга, свои семьи, этот город и свои отражения в зеркалах, вложили всю свою боль в эти три минуты звука.

Даня за пультом двигал фейдеры вслепую, закусив губу до крови. Он сводил звук в реальном времени, пытаясь удержать этот дикий зверь в рамках динамического диапазона. — Пик! — орал он. — Клиппинг на мастер-шине! Да плевать! Качает! Мать вашу, как же оно КАЧАЕТ!

Марк стоял на коленях перед комбиком, выкручивая ручку distortion на максимум, позволяя обратной связи выть высоким ультразвуком — визг тормозов перед аварией.

Ника вспотела так, что капли летели с её подбородка на пластик бочки. Её мир сузился до размеров малого барабана, по которому она била с такой силой, что рисковала пробить пластик насквозь.

Алиса упала на одно колено прямо на бетонный пол, не замечая боли. Микрофонный шнур натянулся до предела. Она наклонилась к сеточке капсюля и прошептала последнюю строчку припева прямо в него, используя субтон — дыхание, смешанное с голосом, создающее эффект близости и безумия: — *Я рисую паль-ца-ми ли-ни-и вен* И наступила тишина.

Не постепенное затухание. Не fade-out. Абсолютная, мертвая стена тишины. Марк убрал руки от струн, заглушив их ладонью. Звук умер мгновенно. Ника замерла с занесенными палочками. Капля пота сорвалась с её носа и звонко шлепнулась в железную банку из-под пива, стоящую у стойки. Даня снял наушники. В оглушающей тишине серверной части мозга стало слышно, как гудит лампа дневного света.

Алиса осталась стоять на одном колене. Рука с микрофоном опустилась. Сердце пыталось проломить ребра. Легкие горели огнем, каждый вдох отдавался болью в диафрагме. Во рту стоял привкус крови — она прикусила щеку в финальном крике.

Никто не шевелился. Казалось, если кто-то сделает шаг, хрупкое стекло момента разобьется.

Первым пошевелился Марк. Он подошел к Алисе, тяжело хромая (затекла нога от игры на каблуке). Опустился рядом с ней на корточки. Взял её свободную руку. Ладонь была скользкой от пота и липкой от крови. — Ты держала темп, — сказал он тихо. Без обычной издевки. Только сухие факты. — Плюс-минус миллисекунда. Даже когда Ника ушла в ускорение. Ты вытянула нас обратно. Ника швырнула палочки на пол. Они покатались по бетону с деревянным стуком. Барабанщица подошла к ним тяжелой походкой, рухнула на колени напротив Марка и сгребла Алису в охапку, прижимая к своей мокрой спортивной топ-белье. Объятие получилось жестким, костлявым, лишенным сентиментальности. — Если ты еще раз возьмешь бас, я сломаю тебе пальцы, — прорычала Ника прямо в ухо Алисе. — Потому что ты делаешь это лучше меня. А я ненавижу тех, кто делает мою работу лучше. Поняла? Алиса только слабо кивнула, задышавшись в объятиях пахнущей потом и адреналином девушки.

Даня наконец вышел из-за своего пульта. Он подошел к Марку и Нике, нависнув над ними своими сутулыми плечами. Он протянул Алисе бумажное полотенце, пропитанное какой-то технической жидкостью. — Вытри лицо, — буркнул он. — У тебя тушь поплыла. Будешь выглядеть как Элис Купер, вылезаящий из гроба. Неплохо для старта. Запись чистовая. Там брака процентов сорок, но те шестьдесят, что остались — он замолчал, поправляя очки. — Маршрутизаторы плачут от зависти. Мы создали идеальный шторм.

Марк отпустил руку Алисы и поднялся. Подошел к своему вишневому мотоциклу, достал из кофра бутылку воды. Вернулся и буквально воткнул горлышко в губы девушки. — Пей. Медленно.

Вода была теплой и безвкусной, но она возвращала к жизни. Алиса сделала несколько глотков, глядя на лица своих музыкантов. Марк смотрел на неё с хищным уважением охотника, нашедшего редкого зверя. Ника смотрела исподлобья, и в её серых глазах читалось признание равного противника. Даня смотрел на экран ноутбука, где зеленая волна аудиограммы застывшего дубля выглядела идеально ровной, несмотря на адский хаос исполнения.

— Что дальше? — спросила Алиса, отстраняясь от бутылки. Голос сел до шепота, но в нём появилась новая, уверенная вибрация.

— Дальше самое страшное, — усмехнулся Марк, проводя рукой по волосам. Спутанные пряди торчали в разные стороны. — Теперь нам нужно научиться делать это дважды. Одинаково. Завтра. В семь утра. Здесь же. — В семь утра? — простонала Ника. — Соколов, у меня печень отваливается. — Значит, будешь играть стоя, — отрезал Марк. — Городской отбор через две недели. У нас нет материала кроме этого взрыва. Нужно превратить импровизацию в оружие. Он посмотрел на каждого по очереди. Взгляд лидера. Твердый, не терпящий возражений. — Сегодня мы поняли главное. Мы можем звучать как одна катастрофа. Красивая, разрушительная катастрофа. Даня, скидывай проект мне на облако. Всем слушать в наушниках до тошноты. Вы должны знать этот кусок мяса наизусть. Каждая доля. Каждый вздох.

Он развернулся к гаражным воротам. Солнце уже садилось, окрашивая промзону в багровые тона. Свет фар редких машин чертил полосы по стенам ангара. — Мы группа, — сказал Марк, не оборачиваясь. Его силуэт четко прорисовывался на фоне заката. — Не друзья. Не

соседи. Группа. Это значит, что завтра утром ваше похмелье, ваши двойки, ваши истеричные матери и ваши разбитые сердца остаются снаружи забора. Внутри остается только метроном. Всем спасибо за работу. Свободны.

Он пошел заводить мотоцикл. Сухой треск электростартера разорвал волшебство момента, возвращая всех в реальность пыли, ржавчины и дешевого кофе.

Алиса сидела на покрышке, завернувшись в свою косуху, как в спасательный плот. Болело всё: горло, пальцы, пресс, икры ног от напряжения. Но эта боль была правильной. Она была заработанной.

Даня аккуратно упаковывал провода в специальный кейс. Его движения были точными и бережными. — Знаешь, Морозова, — не поднимая головы, сказал он, защелкивая замок. — Мой отец говорит, что люди — это просто мешки с мясом, набитые ошибками. Но твой эм органический генератор шума он дает отличную синусоиду. Приятно работать.

Он ушел, оставив дверь слегка приоткрытой. Прохладный вечерний ветер ворвался внутрь, разгоняя запах пота и разогретой техники.

Ника методично складывала железо установки в чехлы. Каждое движение было выверено годами тренировок. Закончив, она подошла к Алисе и коротко, быстро ткнула её кулаком в плечо. — За бас. Молчок. Скажу парням, что играла я, иначе твоя жизнь станет адом. Но знай — я слежу за тобой.

Она подхватила тяжелые сумки и вышла вслед за Даней, громко хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Мотор мотоцикла Марка рыкнул в последний раз и стих вдали. В огромном ангаре теперь пахло только одиночеством и сгоревшими надеждами. Но сквозь запах пыли пробивался другой аромат. Смазка для струн, озон и что-то сладковатое, похожее на расплавленный сахар. Алиса встала. Прошла по тому месту, где только что кипела звуковая волна. Бетонный пол всё ещё казался теплым. Она посмотрела на свои ладони. Кровь подсохла, превратившись в темные корочки. Синяк на предплечье начинал наливаться фиолетовым цветом — память о неудачном движении возле трубы отопления.

Впервые за пять лет синяки и царапины не пугали её. Они были доказательством. Доказательством того, что она существует. Что она способна оставить след. Физический — на этом бетоне. И звуковой — на носителе Дани.

Она подошла к старой колонке, брошенной у стены. Провела пальцем по пыльному динамику. Вспомнила ощущение той самой низкой частоты, которая прошла сквозь неё, выбивая страх.

«Первый общий аккорд», — подумала она. Это был не мажорный гимн победы. Это был лязг сталкивающихся поездов. Но именно в этом столкновении родилась искра. Искра, способная взорвать тишину Заречья.

Алиса подобрала с пола одну из палочек Ники, забытых впопыхах. Повертела в пальцах. Дерево было влажным, отполированным чужими руками до блеска. Она подошла к двери, щелкнула выключателем. Гараж погрузился во тьму. Выходя на улицу, под свет уличных фонарей, Алиса плотно закрыла за собой тяжелую створку ворот. Замок щелкнул сухо и деловито. Словно ставя печать на документе. Контракт был подписан кровью, потом и первой чистой нотой.

Глава 8. Соня в прямом эфире.

Утро среды пахло озоном и мокрым бетоном. Накануне ночью над Заречьем пронеслась короткая, яростная гроза, смыв с улиц остатки серого снега и обнажив уродливую правду панельных многоэтажек. Алиса стояла на остановке, ежась от пронизывающего ветра, который задувал под полы её черной косухи. В кармане вибрировал телефон. Дания прислал ссылку на «сырой» микс их вчерашнего безумия в гараже. Файл назывался «GROMCHE_01_RAW_DESTRUCTION.mp3». Алиса боялась его слушать. Боялась, что за пределами оглушительного грохота живого выступления она услышит лишь фальшь, расстроенные струны Марка и свою собственную неуклюжесть.

Но сейчас её мысли занимал не звук. Её взгляд был прикован к экрану смартфона девушки, стоявшей рядом. Это была Лера из параллельного класса — одна из сотен безликих фанаток Сони Лавровой. Соня вела прямой эфир.

Каждый день ровно в восемь утра, пока остальные школьники тащились на первый урок, Соня включала камеру. Она сидела в своей розовой спальне, где каждая деталь интерьера стояла больше, чем годовая зарплата медсестры (мамы Алисы). Огромные софтбоксы заливали лицо блогерши идеальным светом, стирая любые намеки на несовершенство кожи.

— Всем приветтики-пистолетики! — проворковал динамик телефона Леры голосом Сони. Звук был громким, навязчивым, как жужжание мухи. — Вы уже видели мерч? О боже мой, вы просто обязаны увидеть этот худи! Ткань такая мягкая, я прямо чувствую, как мои эндорфины зашкаливают. Кстати, о чувствах...

Соня сделала драматическую паузу, выпятив губы «уточкой», а затем резко вернув лицу серьезное выражение. Этот контраст гипнотизировал зрителей. — В директ прилетает столько вопросов о том самом конкурсе. Да-да, «Новая волна улиц». Многие спрашивают: «Соня, зачем тебе это? У тебя и так полмиллиона подписчиков, рекламные контракты». И знаете что? Мне больно это слышать. Больно, потому что люди думают только о цифрах.

Алиса отвернулась, пытаясь спастись от этого сахарного сиропа, но было поздно. Яд уже проник в кровь. Одно дело — знать, что Соня твой конкурент. Другое — видеть эту глянцевою, отполированную машину успеха своими глазами, стоя на грязной автобусной остановке в свете тусклого фонаря.

— Музыка — это моя терапия, — продолжала вещать Соня, красиво взмахивая накладными ресницами. — Когда я пою, я становлюсь настоящей. Без фильтров. Без масок. Поэтому сегодня я решила сделать вам сюрприз. Я записала акустику. Ту самую песню, которую буду петь на отборе. Рабочее название — «Стеклянное сердце». Очень личная история. Про то, как трудно любить, когда ты постоянно на виду. Комментарии открыты, обнимите меня поддержкой, мне нужно ваше тепло! Экран телефона Леры заполнился летящими вверх «сердечками» и купюрами-суперчатами. Автобус подошел с шипением. Алиса втиснулась в салон, прижалась лицом к холодному стеклу и закрыла глаза. Внутри неё боролись два демона. Первый — липкий, холодный страх. *«Она идеальна. У неё свет, монтаж, продюсер, миллионы фанатов. Что мы можем противопоставить этому?»* Второй демон был злым и горячим. Он пульсировал в такт тому самому индустриальному басу из гаража Дани. *«Её "личная история" написана копирайтером. А наша боль настоящая. Ржавчина настоящих гаражей звучит честнее розового шелка».*

День в школе прошел как в тумане. Марк на переменах выглядел хищным и собранным. Он ходил по коридорам, словно волк, вынюхивающий след. Его раздражало всё: медленные первоклашки, скрип паркета, запах столовой. Энергия требовала выхода. Ника стала еще более колючей, чем обычно. На физкультуре она швырнула баскетбольный мяч в кольцо с такой

силой, что лопнула сетка. Даня вообще перестал реагировать на внешние раздражители, существуя исключительно внутри своего ноутбука даже на уроке ОБЖ.

Школа казалась аквариумом, из которого они вот-вот должны были вырваться на волю национального фестиваля. Уроки закончились. Вместо того чтобы разойтись по домам, группа снова собралась в актовом зале. Инга Валерьевна ушла домой, оставив ключи Марку («только чтоб ничего не сожгли, Соколов!»). Здесь, в пыльной тишине, воздух казался густым. Они репетировали третий час подряд. Кожа на пальцах Алисы стерлась до мозолей от попыток играть на дешевом басу. Голос садился. Но впервые они играли не набор звуков, а ПЕСНЮ. Структура выстроилась: вязкое электронное вступление Дани

взрыв гитарного риффа Марка

пулемётная дробь Ники

рваный вокал Алисы.

— Стоп! — крикнул Даня, снимая наушники. — Десять минут перерыв. У Аль пиковые частоты режут уши на слове «вен». Нужно сменить микрофон или переписать дабл-трек мягче.

— Микрофон говно, — констатировала Ника, бросая палочки на барабан. Палочка отскочила и покатилась к краю сцены. — Надо брать радиосистему. Чтобы носиться как псих. Эти шнуры душат.

— Где деньги, Зин? — фыркнул Марк, повиснув на турнике, закрепленном над сценой, и подтягиваясь на одной руке. Мышцы спины перекачивались под тонкой футболкой. — Хотя есть идея.

Он легко спрыгнул вниз. Подошел к Алисе, которая пыталась отдышаться, сидя на ступеньках. — Помнишь ту блондинистую занозу? — тихо спросил он. — Соню? Алиса напряглась. Имя обожгло изнутри. — Включай трансляцию, — приказал Марк Дане. — Прямой эфир. Сейчас.

Даня молча открыл нужный профиль на планшете. Экран вспыхнул знакомым розовым светом. Соня всё ещё сидела перед камерой, но теперь формат изменился. Рядом с ней на туалетном столике стоял профессиональный студийный микрофон на тяжелой стойке. Не дешевый петличный, а дорогой конденсаторный — Neumann, если верить выгравированной надписи.

— так что ставьте лайки активнее, иначе алгоритм меня сольет в бездну! — ворковала Соня. — А теперь, котята, то, ради чего мы здесь. Я хочу посвятить это видео одному человеку. Вы все думаете, что я всегда улыбаюсь. Но иногда улыбка — это просто способ не заплакать. Эта песня для тех, кто боится быть собой...

Она взяла гитару. Маленькую, белую, цвета чистоты и невинности. Камера дала крупный план на её руки с идеальным маникюром. Аккорд прозвучал чисто, звонко, профессионально выровненный компрессором звуковой карты.

Марк нажал кнопку включения старого актового пульта. Из школьных колонок полилась музыка Сони. Тихая, мелодичная, минорная баллада под переборы акустики. Голос Сони лился гладко, как растопленное масло. Ни единой ошибки. Ни одного лишнего вдоха. Абсолютная стерильность звука.

— Слышите? — прошептал Марк, наклоняясь к самому уху Алисы. От него пахло металлом и потом. — Слышишь эту пустоту? Она поет идеально. Но там нет ни капли крови. Это фонограмма души. Люди любят такое, оно безопасно. Оно не пугает.

Он выпрямился. Глаза его горели опасным огнем. — Мы сделаем наоборот. Даня, выводите наш черновик на эти школьные колонки. Максимально громко. Режим «разрушение».

— Марк, нас исключат за шум, — попыталась возразить Алиса, но голос её дрогнул. — Нас исключат, если мы будем бояться открыть рот, — отрезал он. — Время пришло. Если мы хотим победить этих пластиковых кукол, школа должна знать, что у них появился вирус. Локальная сеть. Начинай распространение.

Даня пожал плечами, подключил кабель от своего аудиоинтерфейса к старому пульту. Зеленый индикатор уровня сигнала дернулся и пополз вправо.

И тут зазвучал «Громче сердца».

Первые секунды в зале воцарилась паника. Низкочастотный гул саб-баса заставил задрезать стекла в окнах спортзала на первом этаже. Свет в актовом зале мигнул. Это был не просто звук. Это было физическое вторжение. Тягучий, мрачный рифф Марка разрезал благодостную тишину конца учебного дня, как нож сквозь масло. Следом ударила Ника — сухой, резкий выстрел малого барабана, похожий на щелчок затвора.

Алиса встала. Ноги дрожали, но горло пересохло от внезапной решимости. Она шагнула к центру сцены, туда, куда падал единственный работающий софит. Марк подал ей знак. Три-два-один.

Она включила микрофон.

— *СТАЛЬ!* — её голос прогремел через древние динамики школы. Никакого шепота. Никаких субтонов. Только чистый, открытый крик-стилл, полный ржавчины и боли.

Эхо акта огромного зала превратило один голос в хор призраков. Внизу, в холле, учителя замерли с журналами в руках. Кто-то побежал искать завуча. Но большинство учеников — те самые подростки, которые жили в телефонах — достали свои аппараты. Красный огонек записи загорелся сразу на десятках экранов.

Алиса двигалась по сцене. Это не был танец. Это была конвульсия раненого животного. Она била кулаком в ладонь в ритм кардана Ники. *БУМ-БУМ-БУМ. — Смотрю в глаза чужих грехов! Рисую пальцами линии вен!*

Марк вступил вторым голосом. Его хриплый, низкий скриминг сплелся с вокалом Алисы в диссонирующий унисон. Два разных тембра создавали эффект стерео-крика. Это звучало некрасиво. Это звучало угрожающе. Это звучало **НАСТОЯЩЕЕ**.

Они отыграли только первый припев. Ровно сорок секунд музыкального террора. Даня оборвал звук. Резко. Черный провал тишины ударил по ушам сильнее, чем сам грохот.

Алиса пошатнулась, хватая ртом воздух. Сердце билось где-то в горле. Адреналиновый откат накрыл с головой — начало мутить.

В зале секунду висела абсолютная тишина. Шок. А затем — шквал. Кто-то свистел. Кто-то матерился от неожиданности. Группа восьмиклассников у двери аплодировала, смеясь. Старая учительница химии схватилась за сердце. Но главным звуком стал нарастающий гул вибрации смартфонов. Видео заливалось в сеть. Хэштег #громче_сердца начал свой путь из стен провинциальной школы 42.

Марк подошел к Алисе, протягивая бутылку воды. Лицо его сияло триумфом. — Ну как, страшно? — выдохнул он. — Меня сейчас стошнит, — честно призналась Алиса, принимая воду дрожащими руками. — Или я убью тебя. Пока не решила.

— Ты видела статистику просмотров? — вмешался Даня, быстро пролистывая что-то на планшете. — За две минуты ролик набрал четыреста репостов. Алгоритм воспринял всплеск децибел как аномалию и начал пушить уведомление всем юзерам в радиусе километра. Мы взломали школу.

— Мы взорвали её, — поправил Марк. — Добро пожаловать в большой детсад, Аль. Теперь начнется самое веселое.

Веселье началось спустя двадцать минут, когда Инга Валерьевна, красная как свекла, буквально взлетела на сцену по боковой лестнице. — Как это понимать?! — закричала она, размахивая классным журналом. — Соколов! Морозова! У меня звонки от родителей! Директор требует вас в кабинет! ЖИВО!

Марк медленно повернулся к ней. Он не выглядел напуганным. Он выглядел скучающим. — Инга Валерьевна, — спокойно сказал он, опираясь на микрофонную стойку. — Мы готовимся к фестивалю «Новая волна улиц». Там будут продюсеры из Москвы. Думаете, им

интересно смотреть, как мы поем «Крылатые качели» под баян? Им нужен нерв. Мы дали им нерв. Бесплатно. Можете считать это рекламой вашей школы. Лучшей рекламы у заведения с протекающей крышей никогда не было.

Инга Валерьевна захлопала ртом, как выброшенная на берег рыба. Аргумент про Москву и продюсеров сбил её с толку. Она привыкла иметь дело с двоечниками, оправдывающимися за невыученную теорему, а не с юными манипуляторами. — Реклама да я вас да вы — она ткнула пальцем в сторону выхода. — Вон из школы! Оба! Завтра с родителями! И этого очкарика компьютерного тоже касается! Она указала на Даню, который невозмутимо упаковывал провода. — Моя мама на смене в больнице, — меланхолично заметил Даня. — Пришлите повестку почтой. Заказным письмом. Уведомление о вручении обязательно.

Ника, собиравшая железо, просто показала директору средний палец, даже не поднимая головы от тарелок. Их выставили за ворота школы под морозящий дождь. Настроение было странным коктейлем из эйфории и страха. Они стояли под козырьком магазина «Продукты», дрожа от холода и возбуждения.

— Это было тупо, — сказала Ника, затягиваясь украденной сигаретой. Дым смешивался с влагой в воздухе. — Теперь директриса будет вставлять нам палки в колеса. Забудь про аппаратуру школы, Соколов.

— Обойдемся, — отмахнулся Марк. — Зато посмотри сюда. Он показал свой экран. Социальные сети кипели. Их гаражный трек, наложенный на школьное видео, расходился вирусной волной. Но комментарии делились строго на два лагеря. *«БОЖЕ КАКОЙ КРИНЖ ЧТО ЗА ОР ЭТО НЕ МУЗЫКА» «Девочка явно не в себе, маму жалко» «Где модераторы???* *Удалите этот суицидальный контент!!!»*

Это писали взрослые и прилежные ученики. Те, кто слушал радио «Дача» и верил в стабильность. Но ниже шли другие строки:

«РЕБЯТА ЭТО ПРОСТО ОГОНЬ КОГО ВОЛНУЕТ ОР ОНО ЧУВСТВУЕТСЯ» «Эта девочка орет мою боль. Подписался» «Плевать на конкурс, выпустите альбом. Хочу это на репите» «Наконец хоть кто-то в этом болоте играет настоящий рок, а не Лепса на утренниках»

Алиса смотрела на экран через плечо Марка. Буквы плыли перед глазами. Каждое оскорбление отзывалось болью в животе, возвращая эхом тот детский смех из телевизора. Но каждое слово поддержки зажигало маленькую искорку тепла в груди.

— Видишь? — Марк поймал её взгляд. Его глаза в сумерках казались почти черными. — Мы поставили зеркало. Одни видят в нем монстра. Другие — себя. Нам плевать на первых. Нам нужны вторые. Наша армия строится прямо сейчас.

Внезапно телефон Алисы издал пронзительный сигнал. Входящий видеозвонок. Высветившееся имя заставило её похолодеть быстрее, чем ледяной дождь. **Соня Лаврова.**

Марк и Ника замолчали, заметив, как изменилось лицо подруги. Даня перестал дышать, уставившись на гаджет.

— Ответь, — одними губами произнес Марк.

Алиса провела пальцем по зеленой иконке. На экране появилось лицо Сони. Но это была другая Соня. Маска идеальной блогерши трещала по швам. Освещение было естественным, тусклым — видимо, она сидела в машине или отошла в темный угол. Прическа слегка растрепалась. А главное — глаза. В них не было привычного стеклянного блеска. Там плескалась чистая, незамутненная ярость.

— Привет, мышка, — голос Сони сочился сладким ядом. — Решила выйти из норки? Громковато вышло. У дедушки в деревне собаки тише лают.

Алиса крепче сжала телефон. Горло перехватило. Марк сделал шаг вперед, пытаясь попасть в кадр, но Алиса чуть отвела руку, преграждая ему путь. Это был её бой. — Здравствуй,

Соня, — голос Алисы прозвучал удивительно ровно. Сказались часы работы над дыханием. — Понравилась акустика?

— Понравилась твоя наглость, — усмехнулась Соня, проводя рукой по волосам. Этот жест должен был выглядеть расслабленным, но выдавал крайнюю степень напряжения. — Залезть ко мне в комментарии со своим лязгом — это смело. Но знаешь, в чем разница между нами? Я делаю искусство. А ты устраиваешь истерику в магазине посуды. Твой крик слышно, но от него хочется закрыть уши. Мой голос лечит.

— Значит, твои врачи плохо работают, — парировала Алиса. Слово вылетело само, резкое и острое. Она сама удивилась своей дерзости. — Раз им нужна твоя фанерная терапия.

Лицо Сони на мгновение исказилось. Профессиональная маска упала, показав обычную злую семнадцатилетнюю девчонку. — Ты играешь с огнем, дурочка, — процедила она. — Конкурс через две недели. Город маленький. Продюсеры ходят в одни и те же рестораны. Я могу раздавить тебя одним звонком. Стереть в порошок. Сделать так, что тебя даже уборщицей в ДК не возьмут. Она приблизила лицо к камере. Губы кривились в неприятной усмешке. — Хочешь совет? Возьми свое разбитое корыто, своих дружков-неудачников и уезжайте из города. Поиграйте в переходах. Там ваш уровень. А большую сцену оставьте тем, кто умеет держать ноту, а не глотку.

Связь оборвалась. Пикнул отбой.

Несколько секунд Алиса просто смотрела на черный экран. Затем медленно подняла голову. Посмотрела на своих друзей. Марк сжимал кулаки так, что побелели костяшки. Ника крутила в руках гаечный ключ, будто примеряя его к чьей-то голове. Даня смотрел в землю, но челюсти его ходили ходуном.

Страх испарился. Остался только чистый, дистиллированный гнев. Тот самый, которым она собиралась давить свой страх на выступлении.

— Кажется, мы её разбудили, — тихо сказала Алиса. Она посмотрела на небо. Дождь усилился, превращаясь в настоящий ливень, омывающий серый город. — Хорошо, — неожиданно улыбнулась она. Улыбка вышла хищной, совсем не похожей на прежнюю робкую полуулыбку тихой девочки. — Пусть смотрит. Пусть слушает. Ей полезно узнать, что стекло разбивается. Особенно если в него бросить камень.

Она спрятала телефон в карман кобуры. Поправила воротник. — Пойдемте, — сказала она, выходя из-под козырька прямо под потоки воды. — У нас много работы. Нужно научиться кричать так, чтобы у нее лопнули колонки в ее розовой спальне.

Марк несколько мгновений смотрел на удаляющуюся фигуру Алисы. Капли дождя стекали по её щекам, смешиваясь с тушью, создавая черные дорожки. Она шла сгорбившись, но каждый шаг отдавался уверенностью. — Ты видел? — прошептал он, поворачиваясь к друзьям. — Она ей ответила. Она. Ей. ОТВЕТИЛА.

В его глазах вспыхнуло нечто большее, чем просто азарт игрока. Это было восхищение. Почти преклонение. — Похоже, наша тихая девочка наконец-то проснулась, — прохрипела Ника, выкидывая сигарету в лужу, где та зашипела и погасла. — И она чертовски зла.

Они пошли вслед за Алисой, растворяясь в дождливых сумерках Заречья. Навстречу войне, объявленной им королевой социальных сетей. Войне, которой они ждали гораздо больше, чем музыкального фестиваля.

Глава 9. Алиса пишет песню.

Ночь после звонка Сони пахла озоном и раскаленным пластиком. Ливень, начавшийся вечером, не думал стихать, превратив улицы Заречья в мутные реки, отражающие мертвенный свет ртутных фонарей. Алиса сидела на широком подоконнике своей комнаты, поджав босые ноги под себя. Стекло было холодным даже сквозь плотную ткань черных джинсов. Она смотрела вниз, на потоки воды, несущие мимо обрывки пакетов и пожелтевшие листья, которые зима прятала под снегом. Образ идеальной блогерши с её «Стеклянным сердцем» никак не выходил из головы. Не сам образ — он был фальшивым и потому жалким. Пугало другое: уверенность Сони. Её абсолютная, глянцева́я убежденность в том, что боль должна быть красивой, упакованной в розовый шелк и продаваться со скидкой по промокоду.

Телефон лежал рядом, экраном вниз. Там всё ещё мигали уведомления. Вирусное видео из актового зала набрало пятьдесят тысяч просмотров. Комментарии разделились на два фронта, но теперь к хейту добавился новый слой — любопытство. *«Кто эти психи?», «Где скачать трек?», «Вокалистка звучит как бензопила, мне нравится»*. Но внутри самой Алисы вместо триумфа жила сосущая пустота. Марк назвал это вирусом. Даня — синусоидой. Ника — качающим грувом. Всё это были слова для описания звука. Но у них до сих пор не было главного оружия — текста, который мог бы пробить броню равнодушия. У Сони была красивая ложь о любви. У Алисы пока был только крик.

Она перевела взгляд на тетрадь, лежащую на коленях. Обычная девяносто шести листовая клетка, купленная мамой для черновиков по алгебре. Обложка была исписана формулами производных, поверх которых хаотично теснились строчки. *«Громче сердца»*. Название пришло само во время той первой репетиции в ангаре, когда голос ударил в грудь так сильно, что перехватило дыхание. Но дальше названия дело не шло. Текст сопротивлялся. Он распадался на банальные рифмы про одиночество, темноту и битое стекло — весь стандартный набор подросткового инди-рока. Соня была права в одном: кричать умеют многие. Нужно было найти слово, которое разорвет саму гортань.

Алиса взяла ручку. Простой синий стержень. Она открыла чистую страницу в конце тетради, подальше от глаз матери, которая могла зайти проверить, сделаны ли уроки. Ручка зависла над бумагой. Как объяснить тому, кто никогда не стоял перед залом, что такое паралич легких? Как описать звук собственного сердцебиения, который становится настолько громким, что заглушает музыку? Как рассказать о стыде, который имеет вес, плотность и цвет (грязно-желтый, как свет старых ламп)?

Она начала писать не словами, а ощущениями. *Тишина давит на перепонки. Пыль сцены скрипит на зубах. Я снова та девочка в платье ребенка, Запертая в четырех гробах.* Слишком поэтично. Слабо. Гробов четыре — сцена, страх, город, прошлое. Метафора работала, но она была литературной. А им нужен был скрежет. Алиса яростно зачеркнула строфу, разорвав бумагу кончиком ручки.

Марк требовал правды. «Нам не нужны стихи, нам нужна выписка из медицинской карты твоей души», — говорил он вчера, перебирая струны. Алиса закрыла глаза. Позволила себе провалиться туда, куда боялась ходить последние пять лет. В тот день. В голубой блестящий кошмар.

Она вспомнила не смех. Смех был потом. Сначала была тишина. Оглушающая, звенящая тишина огромного ДК, когда музыка играет, а ты молчишь. Баянист смотрел на неё с паникой в глазах, продолжая растягивать меха. Зал ждал. И в этой секунде ожидания родилась вечность. Ощущение, что тебя стерли ластиком из реальности. Ты есть, ты дышишь, но для тысячи людей ты — пустое место. Белое пятно.

Ручка двинулась быстрее. Почерк стал резким, угловатым, почти нечитаемым.

Забыв аккорд. Застыл баян. В ушах звенит немая пытка. И сотни лиц — густой туман, А жизнь моя — просто ошибка. Уже лучше. Ближе к земле. Но всё ещё слишком жертва. Люди любят сильных. Они сочувствуют слабым, но деньги за билеты платят тем, кто побеждает демонов.

Алиса представила Соню. Идеальный маникюр. Идеальная кожа. Искусственный интеллект, симулирующий уязвимость ради охвата аудитории. Злость обожгла легкие. Чистый кислород для вокала.

Она перевернула страницу. Начала заново. *Свет бьет в лицо. Я — манекен. Пайетки режут кожу льдом. Из сотен ртов, из сотен стен Мне смерть свистит открытым ртом.* Вот оно. Холодок пробежал по спине. Это уже звучало как текст песни группы «Громче сердца». Никакого нытья. Констатация факта. Агрессивная, злая.

Скрипнула дверь. Алиса едва успела накрыть тетрадь учебником физики. Сердце пропустило удар. На пороге стояла мама. На ней был старый халат, волосы растрепаны после тяжелого дежурства. Под глазами залегли тени, которые не мог скрыть никакой сон.

— Не спишь? — тихо спросила она, прислонившись к косяку. — Свет горит.

— Репетирую, — выдохнула Алиса, указывая подбородком на разложенные книги. — Завтра контрольная.

Мама вошла в комнату. Прошла к окну, выглянула в мокрую ночь. От неё пахло больницей — хлоркой, лекарствами и усталостью, вьёвшейся в поры кожи. — Контрольная — эхом повторила она. — Аль, поговори со мной.

Это было редкостью. Обычно их общение сводилось к коротким бытовым фразам: «Уроки сделал?», «Еда в холодильнике», «Дверь закрой». Мама всегда существовала на грани истощения, экономя каждую эмоцию, чтобы хватило сил дойти до конца смены.

— О чем говорить? — Алиса попыталась сделать голос ровным, но он прозвучал глухо.

— О твоём горле, — мама повернулась от окна. В полумраке комнаты её лицо казалось старше лет на десять.

— Ты сегодня пришла другая... Будто изнутри светишься. Или горишь. Я слышала шум снизу. Видела ролик. То, что вы устроили в школе...

Алиса сжалась. Сейчас начнется лекция о поведении, вызов завуча, слезы.

— Мам, мы просто...

— Ты пела, — перебила её мама. Она подошла ближе и осторожно присела на край кровати, словно боясь сломать пружины.

— По-настоящему. Я видела записи. До этого твой голос всегда звучал так, будто ты боишься его выпустить. Словно держишь птицу за горло, чтобы она не вырвалась. А сегодня сегодня птица выклевала тебе глаза, но полетела.

От неожиданности Алиса потеряла дар речи. Мать никогда не говорила метафорами. Никогда не анализировала её творчество. Для неё гитара Марка была просто «дурной компанией», а барабаны Ники — «мучением соседей».

— Зачем ты это делаешь? — голос мамы дрогнул. Она достала из кармана халата сложенный вчетверо листок бумаги, потертый на сгибах. — Зачем заставляешь себя проходить через это снова? Разве того раза мало?

Алиса посмотрела на листок в руках матери. Что-то знакомое было в этом мятом тетрадном листе. Желтоватый оттенок старой бумаги. — Что это?

— Нашла сегодня, — мама протянула руку. — Когда пыль вытирала. За шкафом упало. Твоя коробочка там, где ты кукол хранишь.

Алиса медленно взяла бумажку. Развернула. Почерк. Детский, крупный, с сильным нажимом, буквы валяются вправо. Чернила немного выцвели. Это было письмо. Написанное ею самой. Десять лет назад.

«Если ты читаешь это, значит я стала большой. Меня зовут Алиса Морозова. Мне семь лет. Сегодня я загадала желание на звезду. Я хочу стать певицей. Самой лучшей. Чтобы меня показывали по телеку. Я буду петь так громко-громко, чтобы все слышали. Даже те, кто живет на луне. Я обещаю себе, что никогда не испугаюсь. Если будет страшно, я представлю, что я волк. Волки не боятся. Я люблю маму и папу. Конец».

Алиса провела пальцем по слову «волк». Буквы чуть смазались — видимо, семилетняя Алиса писала так быстро, что капнули слезы. Или дождь попал на бумагу, пока она ждала родителей на улице.

— Ты забыла, — прошептала мама. — Забыла, какой хотела быть. Ты придумала себе тюрьму из того смеха и носишь её кирпичи в кармане. Та девочка она ведь не умерла, Лисенок. Она просто очень устала ждать, когда ты перестанешь бояться.

Комната поплыла перед глазами. Алиса почувствовала, как защипало в носу. Не от горя. От масштаба предательства самой себя. Семилетний ребенок верил, что может докричаться до Луны. А восемнадцатилетняя девушка боится сказать слово громче шепота.

— Я помню ту девочку, — тихо сказала Алиса. — Она стоит у меня за спиной каждый раз, когда я беру микрофон. И она смеется надо мной. Называет трусихой.

— Пусть смеется, — мама впервые за вечер слабо улыбнулась и положила свою тяжелую, теплую ладонь поверх руки Алисы, всё ещё сжимающей письмо.

— Теперь вас двое. А вдвоем легче строить баррикады. Она встала, поправляя складки на халате. Вернулась к роли медсестры, сильной и практичной.

— Суп на плите. Покушай и ложись. Глаза красные совсем. И, Аль...

Она остановилась в дверях, щелкая выключателем. Комната погрузилась в темноту, освещаемую только прямоугольником уличного фонаря.

— Спой ей завтра то, что пишешь. Пусть знает, что ты вернулась.

Щелкнул замок двери. Алиса осталась одна в темноте. Письмо дрожало в пальцах. Семь лет. Маленькая девочка в письме верила в силу голоса. Она не знала ни о диафрагме, ни о частотном спектре Дани, ни о цинизме продюсеров. Она знала одно: если открыть рот достаточно широко, мир обязан услышать.

Алиса включила настольную лампу. Резкий желтый свет разогнал тени. Она снова взяла ручку. Посмотрела на детский почерк, затем на свои уравнения по физике. Законы Ньютона против законов выживания.

Страх сцены — это физика. Масса зрителей создает давление. Давление вызывает сопротивление воздуха в легких. Нужна сила, чтобы преодолеть этот барьер. $F=ma$. Сила равна массе ее страха, умноженной на ускорение её злости.

Она усмехнулась уголком рта. Даня бы оценил такую формулировку.

Ручка опустилась на новую страницу. Детская клятва дала точку опоры. Начало пути. Но песня должна заканчиваться здесь и сейчас. Взрослой правдой.

Она написала первую строчку нового припева. Ту самую, которую пыталась поймать неделю:

Я больше не прошу. Я требую свой звук. Слишком пафосно. Требовать можно вежливо. Им нужен ультиматум. **Я НЕ ПРОШУ. Я ОТНИМАЮ СВОЙ ЗВУК.**

Да. Вот оно. Декларация войны.

Следующие полчаса Алиса писала, забыв про еду, про усталость и про поздний час. Она правила строфы, вбивая ритм прямо в бумагу ручкой, как молотком. Каждое слово должно было работать как барабанная палочка Ники — коротко, зло, точно.

Она отказалась от сложных рифм. Оставила ассонансы — созвучие гласных, которое работало на уровне вибрации связок.

Город спит под одеялом из свинца, Я считаю пульс на венах мертвеца. Он стучит во мне, он требует огня, Эта боль теперь — не плач, а западня.

Она писала о детском провале, но называла вещи своими именами. Это не трагедия. Это топливо. Топливо для двигателя, который они собрали в гараже.

Когда за окном начало сереть, предвещая рассвет, текст был готов. Три куплета. Два припева. Бридж. Бридж был самым опасным местом. Место, где нужно сбросить скорость перед финальным прыжком. Там не должно быть крика. Там должен быть лед.

Пусть говорят, что призрак вышел из норы. Что мои песни — лишь истерика детворы. Они не знают: монстр рождается не в крике. Он растет в тишине. На самом страшном стыке. Там, где кончается надежда и расчет Я открываю рот.

Алиса перечитала написанное. Лампа нагрелась и тихонько гудела. Пальцы ныли от напряжения. Текст получился тяжелым. Пугающим. В нём не было надежды на счастливое будущее или примирение с обидчиками. В нём было право на ярость. Право занять пространство, не спрашивая разрешения.

Она аккуратно вырвала страницы из тетради. Сложила их пополам, стараясь не помять. Затем подошла к своему рюкзаку, расстегнула боковой карман и спрятала листы в чехол от очков, застегнув его на молнию. Теперь это был секретный документ. Манифест.

Алиса легла спать, не раздеваясь, прямо поверх покрывала. Сквозь приоткрытую форточку тянуло сыростью и близящимся утром. Она закрыла глаза, пытаясь запомнить ощущение завершенности. Впервые за много лет голова была пустой. Не было тревоги перед школой. Не было липкого ужаса перед взглядом Марка. Была только четкая структура слов, отпечатанная в сознании. Сон пришел мгновенно, тяжелый и черный, без сновидений.

Резкий звук сработал как электрошокер. Алиса села на кровати, хватая ртом воздух. Шесть утра. Старая Nokia на тумбочке вибрировала так, что рисковала уехать на пол. Сообщение. Один участник. Марк Соколов.

[06:00] *Аль. Просытайся. Мы трупы.* Сердце рухнуло в желудок. Руки похолодели. Что случилось? Кто-то заболел? Инструмент украли? Полиция?

Она нажала кнопку ответа трясущимися пальцами.

[06:01] *Что?! Говори!*

Ответ пришел через секунду. Голосовое сообщение. Алиса включила динамик. — просто офигеть, вот просто нет слов, одни слюни! — голос Марка звучал взбудораженно, перекрываемый каким-то фоновым гулом. Похоже, он уже сидел в машине. — Открой почту. Прямо сейчас. Немедленно. Я тебе кинул скан. Это официальное письмо. От оргкомитета «Новой волны улиц». Из Москвы. Лично Артему Борисову. Нас заметили благодаря школьному видео. Читать можешь? Там внизу самое важное! Алиса вскочила с кровати. Ноги не слушались. Она бросилась к столу, включила компьютер. Старый системник зашумел вентиляторами, загружая систему мучительно долго. Пока грузился почтовый клиент, каждая секунда казалась пыткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.